

СМЕНА

10

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Молодые друзья мои!

Пришло время многим из вас подумать о выборе дороги в жизни. Наша Родина щедро: на любой из дорог, выбранной вами в науку, она даст вам все самое лучшее. Для вас открыты все институты, все академии. Какую бы профессию вы ни избрали, помните об одном: вы - молодежь самой счастливой, самой могучей, самой миролюбивой страны на свете. Ничего не может быть прекраснее служения своему народу, самоотверженной борьбы за счастье трудящихся, за построение коммунистама.

Однако вы должны верно определить, какая из многих дорог ваша. При ответе на этот вопрос вы должны руководствоваться не только своей склонностью к той или иной науке, но и почувствовать в себе силу бороться за избранное вами дело. Борьаться упрямо, дерзко, самозабвенно - без этого невозможны никакие открытия. Только человек, умеющий смотреть вперед, умеющий трудиться, сможет решать задачи, которые действительность ставит перед нашей советской наукой. Смотреть же вперед - значит знать.

Всегда помните слова великого Сталина: "Чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой, а чтобы знать, надо учиться. Учитесь упорно, терпеливо".
Учитесь неутомимо, смелее идите по избранному вами пути.

Академик *В. А. Вильямс*

Действительный член Академии педагогических наук РСФСР, профессор Константин Николаевич Корнилов беседует в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина с будущими педагогами.
Фото А. Монадцова

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май, № 10. 1952 год.

Год
издания
29-й

СЕГОДНЯ УТРОМ

I

Ты проходишь по Москве рассветной,
У тебя подмышкой пачка азбиг.
Вот перед витриною газетной
Ты внезапно замерла на миг.

Всю газету ты обводишь взглядом —
Каждую заметку и статью.
И не замечаешь ты, что рядом,
Затаив дыхание, я стою.

Выбилось на лоб из-под берета
Солнечных волос твоих кольцо.
И озарено спокойным светом
Ясное весеннее лицо.

Первые веснушки под глазами,
Тонкая и сильная рука.
А на кофре мальское знамя,
Знамя комсомольского значка.

II

Я тебе сказать хотел бы: «Здравствуй!..
Мы с тобой встречались очень часто,
И случайно и по уговору,
Вечером и в утреннюю пору,

В голубых троллейбусах московских,
На весенних гулких перекрёстках,
В строгой тишине аудиторий,
В шумном институтском коридоре.

Вместе мы готовились к зачётам
И в кино ходили по субботам.
И когда — я так и не заметил —
Ты мне стала ближе всех на свете?».

III

Мы с тобой читаем всё быстрее:
«...На Кавказе — персики в цвету...
Волаго-Дон...
События в Корее...
Забастовка в Гамбургском порту...»

И теперь — мгновенье за мгновеньем —
Мы жинём волонием одним.
Кажется, твоё сердцбеинье
Навсегда становится моим.

Вместе мы тревожимся и вместе
Радуемся радостью одной...
...Ты случайно повернула резко
И глазами встретилась со мной:

— С добрым утром! Мы не опоздали?
— До начала лекций семь минут.
...С порывом понявшимися трамваем
Мы с тобой едем в институт.

НЕРАЗЛУЧНЫЕ

— Дай слово!
— Даю честное комсомольское слово: ни одного пропуска занятия у меня больше не будет, — раздельно говорит высокий, слегка сутулится юноша с таким обильным румянцем на лице и шее, словно он только что пробежал стометровку.

Рита Макова, которая ведёт протокол комсомольского собрания, на секунду прерывает писать и пристально смотрит на юношу. В её глазах вопрос: «Сдержит ли ты своё слово? Не придёт ли нам снова краснеть за тебя?»

На шумном собрании хранит молчание один Толя Соколов, комедт группы. Он внимательно слушает, поглядывая на комсомольцев своими широко расставленными зоркими серыми глазами. Он даже чуть-чуть улыбается, хотя старательно прячет эту не вовремя появившуюся улыбку... Крепко комсомолцы взялись за Горбунова! Достанется парню... И поделом. Парень он способный: зиную экзаменационную сессию сдал на «отлично» и «хорошо». Видимо, это вскружило ему голову. Но комсомолцы не дадут скатиться на ложный путь...

— Ты дал честное комсомольское слово, —zegромко, но с большой интуитивной силой произносит Анатолий. — Это тебя обязывает ко многому.

— Толя... Ребята... Да ведь я понимаю! Я вот сейчас осознаю, как глупо, по-мальчишески поступил! — взволнованно восклицает Юрий Горбунов, и на его широком лице видна готовность перенести любое, самое тяжёлое наказание.

«Персональное дело Горбунова» — единственное, которое пришлось решать студентам-комсомольцам 492-й группы 3-го курса Горьковского инженерно-строительного института. Но оно напомнило комсору Анатолию Соколову о его сложных обязанностях. Об этом, задержавшись после собрания, он беседует с Григорием Погодиным, секретарём комсомольского комитета института, который также учится в их группе.

— Видишь, Толя, — говорит ему Погодин, — кажется, уж в нашей группе всё благополучно, ребята слабочины, учатся хорошо... Но чуть повиснет слабачка в нашей с тобой работе — и вот, покажется, сигнала тревоги.

Этот разговор вызвал в памяти Анатолия сказку о Ленивом рыбаке. Ошавжди увидел он в своей лодке крохотную дырочку, будто комар носом проткнул. «Э-э, не беда!» — подумал рыбак и вышел на рыбалку. Посмотрел он на следующий день — дырочка в днище стала величиной с булавочную головку. Снова беспечно подумал рыбак: «После закончатся... Много ли воды наберётся в такое отверстие!» А на третий день, когда вышел рыбак на середину реки, хлынула вода через дырочку, ставшую большой дырой, и затонула лодка...

Оценив, Погодин и Соколов вышли на улицу. Здесь вонюко гуляла метель. Зима, такая мягкая до последних дней, рыхлая наворачивает свои. Подняв воротники пальто, у подъезда стояла вся группа.

— Ну что же вы? Что вы там задержались? Мы совсем замёрзли! — кричит Рита Макова, превозмученно громко топя логами. — Смотрите, у Юры нос посылел! Это на собрании ему было жарко...

— Ну ладно, ладно, — смущённо отмахивается от неё Горбунов и первый подхватывает Анатолия под руку.

Все с шутками идут по улице. За поворотом они разойдутся в разные стороны: Толя ехает домой на улицу Гоголя, Рита — в Сормохово... Но так уж вошло в обычай: из института выходить всем вместе...

Крепкая, настоящая дружба спаяла комсомольцев 492-й группы, Анатолий Соколов умеет направить её на повышение дисциплины, в помощь учёбе.

В середине учебного года тяжело заболела Вера Семёна. Её положили в больницу. Комсомольцы заботились: Вера жила в общежитии, в городе родных у неё не было. Девушки купили гостинцев, доставали в библиотеке интересные книжные новинки, пошла проводить Веру.

— Я скоро поправлюсь, — говорила Вера, обрадованная приходом подруг.

Но болезнь затягивалась. Анатолий собрал свою группу. — Нельзя допустить, чтобы Вера отстала в учёбе. Нужно, чтобы каждая лекция была известна Вере...

Выход был найден простой: каждый день кто-нибудь из студентов записывал лекции шариковой ручкой под копирку. Один из экземпляров конспекта относил Вере, на словах повторял самое главное... Весной Вера успешно выдержала экзамены.

Нина Нестерова не могла «осилить» премудрости устройства сложных механизмов. К ней привернулся студент Катягин и Кивелева. Нина также сдала экзамены на «отлично» и «хорошо».

Каждую зиму студенты-комсомолцы устраивают дальние лыжные походы на Щелковский хутор — туда, где над Волгой красиво поднялись лесистые горы.

Это не просто любительские прогулки, это походы настоящих мастеров. Недаром Лев Погодинский, Коля Жуков, Боря Грязнов, Шура Семёна имеют третий всесоюзный разряд по лыжному спорту, многие другие отлично сдали нормы по лыжам на значок «ГТО».

Летом ребята все вместе едут на пароходе за город, на Мохозиме горы.

Весной и всад они вместе. «Неразлучные», — подшучивают над ними студенты. В театр ставится премьера «Её друзья». Кулактор Зина Оферина уже достала билеты на всю группу. А в следующее воскресенье они пойдут на балет «Красный мак», а потом в домик Кашириных, в Художественный музей...

И каждый праздник — это тоже стало традицией — они встречаются всей группой на квартире «потомственного строителя» Володи Ехизарского. Там ребята находят радужный приём хозяев — воспитанников того же института. Недаром Володя Ехи-

Практическое занятие по испытанию сопротивления материалов ведёт преподаватель И. М. Симанов.

«А ну, как хорошо вы разобрались в проекте этого здания?» Комсорг (второй слева) беседует со студентами.

левский — крепкий пареньк с озорными салами — частенько хвалится: — Я в этот институт поступил по семейной традиции: здесь учился мой отец, два моих дяди, тетя...

С особым увлечением поглядывая ребята на Гришу Погодина. В годы войны он был призван в армию с первого курса этого института, потом снова возвращался к учёбе. О себе он рассказывал скупко, как бы нехотя: участник войны, артиллерист, освобождён Прагу... Гришу вскоре избрали парторгом курса, а затем ему доверили руководство огромным отрядом комсомольцев института. Немало тёплых слов сказано о нём комсомольцами!

У многих из студентов 492-й группы есть своя история поступления в институт. Интересна, например, эта история у комсорга Анатолия Соколова.

Он много плавал на пароходе. Хорошо на реке весною! Высокое синее небо бездонным куполом повисло над городом, над деревянными башнями горьковского кремля, отражённого в широком разливе. По Волге, слегка покачиваясь на зеленоватых-серых волнах, плывут белогузые пароходы. Юрки, девельные юттера тинуть исповоротившиеся баржи, летят, следя касаясь воды, моторки. Каждый раз, проплывая по Волге, Анатолий отмечал что-нибудь новое. Вот широк многоэтажный дом, вон задыхались трубы только что построенного завода. А вон там повисли стабы бревен. Значит, и здесь был стройка!

Анатолю нравился любой труд по душе быль и милое прошлое — замкнутый мирок вилкисы сравнения! Фески. Но строить! Тут не выдерживали высокие сравнения! И вот он студент инженерно-строительного института имени Чакалова. Много времени было на Волге за эти годы. Там, где когда-то лежал бривна, выросли новые дома. Спят в нис и вверх суда, горят ночами красные башни... И как подумается, что этим летом уже сохлуют Волга с Дюном, так и забьётся радостно сердце. Скоро, скоро и сам Анатолий станет участником великих строки!

В последние дни перед экзаменационной сессией комитет ВЛКСМ проводит на боевой штаб. На заседании комитета выступили секретари факультетских и курсовых организаций, группы комсорги.

— Как у тебя в группе обстоит дела? — спрашивают товарищи у Анатолия Соколова.

— Хорошо, — отвечает он.

Анатолий вспоминает, в зимнюю сессию группа получала 48 отличных и 65 хороших оценок. Сейчас, весной, результаты экзаменов должны быть — и будут — несравненно лучше. В течение всего второго полугодия комсомольцы контролировали регулярную запись лекций всеми студентами, следя за выполнением домашних заданий. Расширился круг студентов — членов научных студенческих обществ при кафедрах. Да, Анатолий может твердо сказать: весенние экзамены выйдут выше студентов их группы. И без троек. Только на «хорошо» и «отлично».

Порой есть можно услышать в студенческой среде разговоры о том, что общественной работа, дескать, мешает учёбе. Эту ложную «теорию» убедительно опровергает пример 492-й группы. Целый ряд студентов-отличников занимает руководящие посты в комсомольской организации института. Григорий Погодин — секретарь комитета ВЛКСМ; Борис Федотов — секретарь комсомольского бюро строительного факультета; Владимир Елизарев — секретарь комсомольского бюро третьего курса этого факультета; Лев Погорьельский — член комитета ВЛКСМ института, ответственный за физкультурный сектор; Владимир Пензин — член факультетского бюро; Рая Малышева — председатель лекторской группы при комитете ВЛКСМ. Кроме того, среди комсомольцев группы члены редколлегии стенгазеты «Строитель», работники профкома.

Третий курс... Пожалуй, самым трудным и ответственным. Анатолий Соколов записывает в «Журнал комсорга» свои наблюдения: сегодня на семинаре по политической экономии активно выступали Грязнов, Семёна, Подбайнов. Руководитель семинарских занятий Тамара Федорова похвалила Катягина за содержательный ответ. Видно, что Костя много думал над темой «Капиталистическое воспроизводство и экономические кризисы», читал обширную политическую литературу. А вот Нина Нестерова готовилась только по заданной теме, а на дополнительный вопрос отвечала неуверенно. Вообще девушки на семинарах менее активны, чем ребята. «Что это», — думает Анатолий, — весенняя прелесть! Нам надо быть чётко и нею излагать свои мысли? И тут же в своём журнале Анатолий делает пометку: «Поговорить».

Работу комсомольцев направляет, поддерживает и ведёт за собой мудрый наставник — партия. Старшие товарищи — коммунисты — вынают во все детали жизни комсомольцев. В этой группе участь при члене ВКП(б) Коммунисты Погодин, Киселёв и Горюнов часто подкалывают комсомольцам правильное решение научных вопросов.

Ещё не всё сделано комсомольцами 492-й группы. Предстоит дальнейшая борьба за улучшение учёбы, за то, чтобы каждый стал отличником.

Но и сейчас уже комсомольцы этой группы держат первенство по институту.

Инженерно-строительный институт имени Чакалова получил переходящее Красное знамя горкома ВЛКСМ. Он шагает впереди других институтов города, показывая пример высокой успеваемости студентов.

г. Горький.

ПИСЬМО С КУЙБЫШЕВГИДРОСТРОЯ СТУДЕНТАМ ЛЕНИНГРАДСКОГО ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА

равными конструкциями. Практика показывает, что инженер-строитель должен одинаково хорошо знать все виды работ и конструкций, ибо каждая сооружение представляет собой сложный комплекс.

Как часто первое время мы, молодые инженеры, говорим себе: почему мы не всё усваивали в институте? А ведь помните частую есть среди нас такие, которые считают, что ряд предметов можно отнести к группе «назованных» для специальности инженера-строителя. «Зачем нам гидравлика, аэротехника, водоснабжение, детали машин?» — скажет такой студент-забияк.

Инженер-строитель в наше время, в условиях большой механизации, должен быть высококультурным человеком, с широчайшим техническим кругозором, должен уметь разрешать самые разнообразные технические вопросы, разбираться в технологии любого типа сооружений. Я инженер-строитель по профессии, но в гражданском строительству, но мне пришлось на строительстве Куйбышевской ГЭС руководить строительством чисто гидротехнического сооружения. Под своим руководством соорудилась земляная перемычка для ограждения котлована от волнских вод. Знание гидравлики, условий и законов фильтрации воды помогло мне справиться с этой ответственной задачей. Таких примеров можно привести очень много. В наши дни, когда строительная наука невиданным темпами идёт вперёд, нельзя ограничиваться только преподаваемым на занятиях материалом. К изучению ка-

ждо предмета необходимо применять широкий круг научнотехнической литературы. Только при этом можно не отстать от жизни, идти в ногу с передовой наукой.

В этом отношении большую роль играют студенческие научно-технические общества. Многие бывшие студенты, ныне инженеры, с глубокой признательностью вспоминают кружки обществу. Работа в них приучила нас постоянно обращаться за советом к техническому инжиге, приняв в нас и постоянное экспериментальное, научное, инженерное и творческое, делать широкое научное выводы.

Мой искренний совет вам, друзья! Любите своё студенческое научно-техническое, принимайте активное участие в его работе.

М. САТИН,
старший прораб комсомольского производственного объединения
Куйбышевгидрострой.

Сейчас у вас горячая пора — экзаменационная сессия. В эти дни хочу дать вам несколько добрых советов. Не расстраивайтесь, как и я окончил факультет промышленного и гражданского строительства нашего института. Я часто с глубокой благодарностью вспоминаю институт, давший мне знания, научивший меня строить. Сейчас я работаю старшим проектировщиком работ на строительстве величайшей в мире Куйбышевской гидроэлектростанции на Волге. Все мы, работающие на великой стройке, прилагаем здесь все свои силы, знания, стараемся оправдать доверие партии и правительства, посланных нас на передний край строительства коммунизма.

Дорогие друзья! Первое, что мы, молодые инженеры, здесь почувствовали, — это необходимость широкой специализации. Иногда бывает, что студент усильно изучает, например, железобетонные конструкции и меньше уделяет внимания де-

В. КУКАНОВ

ОГНИ НА ПОЛЯХ

Рассказ

Когда Михаилу Верхурову сказали, что его вызывают в райком партии, он внешне ничем не выдал своего волнения. Как пахал, так и продолжал пахать, а подошло время ехать, он отбед граблор на заправочный пункт.

Дело было на стыке первой и второй смены. На заправочном как раз собрался его друзья-комсомольцы. Провожая Михаила, они с особым усердием по очереди трясали его руку:

— Железю успехов! Если трудно будет придется, вспомни о нас, мы всегда с тобой, понял?

— Понял, спасибо, ребята! — серьезно отвечал Михаил друзьям. В кутюве полутюжи, спрыскав на кабину, он повернул лишь навстрочу хлесткому ветру, и до сих пор сдерживаемая им радость провалилась наружу. Он что-то запел, сбился, расхохотался и, увидев зажда, заданного стрекача от машины, закричал ему вслеп: «Го-го-го!» Ветер подхватил этот крик и разбросал по полям.

Дома Михаила наскоро умылся и, отквашившись от еды, собрался было идти в райком, но мать Анна Прокофьевна остановила.

— В комбинезоне и пойдешь, сынок? — спросила она.

— Да, а что?

Анна Прокофьевна всплеснула руками.

— Это в райком-то?

Михаил отгадал свой замасленный комбинезон и промывавшие сапоги. Вид, конечно, не праздничный, но откуда чинше быть, если и дыношь и поучешь в поле: весенний сев в самом разгаре.

— Знают, небось, в райкоме, что я тракторист, — ответил он хрипловатым от простуды голосом.

— Да тебе же в партию будут принимать! Ведь это раз в жизни бывает. Ради такого случая и не нарядиться!

Не слушая сына, Анна Прокофьевна открыла старый сундук, обитый по углам белой жстью. Пока Михаил рассматривал с детства знакомых медвежат в лесу, повара с котом и другие картинки, которыми была густо оклеена изнутри крышка сундука, мать доставала его серый костюм и распухшую косоворотку.

— Снимай, снимай свой прокормленный панцирь, — принялась она теребить пуговицы сыновнего комбинезона. — Уж так привык к нему, расстаться не в силах.

Михаил подчинился: не стоит препираться в такой необычный день. Он сел на лавку у стены и начал стягивать с ног неподатливые, тесные сапоги.

— Погадить бы костюм-то надо, — сокрушалась Анна Прокофьевна над помывшимся в сундуке пиджаком, — да пораньше прийти и не смогла, смена сортировка.

Но на широких плечах тракториста всё расправилось и без утюга. Мать оглядела статную фигуру сына и осталась вполне довольна: парень хоть куда!

— Всё ничего, только вот чуб у тебя какой-то дикой, выгорел весь! — с досадой сказала она. — И что ты за моду взял носить фуражку козырьком на затылок? За лето пегим станешь.

Глядя на хлопотавшую около него мать, Михаил вдруг необычайно живо вспомнил, как она когда-то в первый раз провела его в школу. Стукалась вокруг него, наряжала, одергивала со всех сторон и всё приговаривала:

— Теперь, сынок, учись — не ленись, набирайся ума. Недаром в пословице говорится: красна птица перьем, а человек ученьем. Она сама хотела отвести своего первоклассника в школу, но пока повязывала платок перед зеркалом, он убежал один. Не маленький же, чтобы мать вела его по улице за руку!

Но когда Миша после первого урока выбежал в коридор, он увидел, что мать всё-таки пришла в школу следом за ним. Анна Прокофьевна о чём-то обстоятельно беседовала со школьной сторожкой.

— Ну, что? Ну, как? — забросала она Мишу вопросами. — Всё понимаешь, что учительница показывает?

— А то разве не поймёт, — ответила за него сторожка, — голова-то свежая.

— Только бы учился как следует, — вздыхала мать, — первый-то класс, — считай, начало жизненной дорожки. Как выучится, так пором и жить будет. Эх, недалеко их доводить до дела без отца, старший вон на завод пошёл...

Давно это было, лет тринадцать тому назад...

Вот и сейчас так переживает за него, волнуется. Должно быть, матери всегда так же.

— Поди, и по политике тебя будут спрашивать, сынок, и по работе?

— А как же, конечно, будут.

— Смотри, не скрась, отвечай смелее. Расскажи, как дальше думаешь работать: скоро, мол, попробую переиграть своих товарищей.

— Ещё мало каша ел, переиграть-то! — Михаил улыбнулся, но оттого, что губы у него обветривались и потрескались, улыбка вышла желовой, смущённой.

Анна Прокофьевна вдруг спохватилась и взглянула на старые ходки. Эти мудрые часы вот уже лет восемь ходили не иначе, как в наклонном положении, но время отсчитывало исправно.

— Ну, что будет, сынок, ступай... Пора, — сказала Анна Прокофьевна. — Да приходи поскорей: ждуть-то тут одной нелегко.

Михаил вышел на улицу. Потускневшее солнце готовилось чинно спуститься за дальние холмы. Над полями, то чёрными от тенишей пашки, то зелёными от озимей, полаяла сизая дымка. Вокруг за той берёзовой рощей, едва распустившей молодую листву, Михаил оставил свой трактор. Пусть хорошенько заправят, ночью обязательно нужно допахать поле у Старого горелаша. Дневное задание он выполнил, но недопахал такой клин, что назавтра оставлять — ни два, ни четыре, только рабочий день выживать.

«Ничего, допашу», думал Михаил, размышляя шагая по заснеженной улице. — Перед утренним уроном и передотчут. В такую ночь всё равно не унешь... Миша Верхурбов станет сегодня кандидатом партии, до сна ли тут?»

Однако будущего кандидата начинало охватывать беспокойство: «Неизвестно, как ещё получится. Зададут какой-нибудь вопрос по международному положению, а ты и растеряешься... Районные руководители не то, что свои товарищи-трактористы на партсобраниях. Могут копать и похуже, кругозор-то у них совсем другой».

Чем ближе Михаил подходил к райкому, тем медленнее становился его шаг.

Когда его вместе с партгорм бригады пригласили в кабинет секретаря райкома, где заседало бюро, от его прежнего спокойствия не осталось и следа. Под неспешными взглядами членов бюро он сел к столу.

— Самый молодой наш тракторист Михаил Верхурбов, — отрекомендовал его секретарь райкома.

— Так, так, это хорошо, что самый молодой, — отозвался кто-то басом, — а самый молодой должен быть и самым передовым, не так ли, а?

Михаил быстро вскинул глаза. Это говорил председатель райкома, бывший молотовец колхозной кузницы. Он развернул районную газету и отсыкал в ней идеальную сводку о ходе сева.

— Посмотрим, где здесь Верхурбов... Как он отлится по сравнению с другими трактористами? Э-э, друзья, да он в золотой серединке обособился!

Михаил прикусила губу. «В слухку председатель райисполкома знает про районный комсомольский комитет?» — тревоге полудам он.

Михаил хотел было сказать, что норму он всегда выполняет и даже перевыполнял, но язык не повернулся. Норму у них все выполняли, каждый обязан выполнять! А в партию принимают лучших из лучших.

Михаил вспоминал друзей-комсомольцев, с такой надеждой проваживших его, стало обидно за них и за себя самого. Должен в бригаду трактористы подобрались один к одному. Некоторые на трактор с танка переехали. Перегоняли их и попробуй!

— А, по-моему, товарищи, Верхурбов и есть самый настоящий передовик, — сказал секретарь райкома. — Что ни говорит, только второй сезон водит самостоятельно трактор, а не отстает от всех остальных. — «Знаю, знаю, значит, меня!» — полудам Михаил образованно и чуть-чуть приобидился. Два дня назад секретарь приезжал в бригаду, беседовал с ними, с трактористами. Сейчас, поглаживая седоючий висок, секретарь смотрел на Михаила с улыбкой в глазах.

— А что скажет партгор? — спросил он.

Партгор, отодвинув стул, поднялся и большой шершавой рукой пригласил Михаила.

В парторганизации все знает Михаил Верхурбова. Мы считаем его достойным. К работе с душой относится, и хватка у него есть, настоящая... Расчёт в глазах. Постарается — будет передовиком...

— А как он сам, — спросила председатель райисполкома, — собирается выходить на первое место?

Михаил смущённо кивнул головой.

Ничего, товарищи, к осени он кое-кого, пожалуй, и обгонит. Работы впереди много, поле достаточно широкое, — сказал секретарь райкома. — Как, товарищ Верхурбов, посланная задача? Всерьёз, конечно, положила руку на сердце?

Михаил взволнованно поднялся.

— Посыльная, товарищ секретарь! — горчико ответила он.

Сиди, сиди — маршальско загворила председатель райисполкома, отечески улыбаясь. — Так и надо было сразу сказать: мой, мол, успехи впереди. Устав-то читал?

Многие здесь с детских лет знали тракториста-комсомольца, но вопросы к нему нашлись у каждого. Воспринявший духом Михаил отвечал уверенно, иногда откапываясь от волнения.

Удивительное дело, оказалось, что и здесь, как на партийном собрании, его окружали товарищи, конечно, более требовательные, строгие товарищи. Их вопросы и замечания, которых он так боялся по пути в райком, открывали перед ним каждый раз что-то новое, значительное; порой у него появлялось такое ощущение, словно он взбирается на гору и чем выше ступает его шаг, тем дальше он начинает видеть...

С необыкновенным чувством радости, словно окрылённый, выходил он из кабинета секретаря райкома. Событие его заветное желаннее он считал в чужих руках!

— Сияет, как изменяющийся. Значит, принял? — заговорили в приёмной при его появлении. — Поздравляем! Поздравляем!

Из тёмного угла кто-то поднялся с дивана. Михаил с разлёту остановился. К его удивлению, это была Анна Прокофьевна. С немалым вопросом в глазах она шагнула навстречу сыну. Его несчастный вид красноречиво ответил ей. Тогда она обменявсь вздохнула и горьково заговорила: — А я ходила в бригаду узнать, задешево на завтрашний день да завернула мимолетное свидание. Думаю, дай зададу узнаю, как там Михаил... Принимают?

Михаила не обманула эта маленькая хитрость матери: бригадный двор был совсем в другом конце села. «Не увидела дома, следом за мной пришла». В другом случае он бы, пожалуй, рассердился на неё, но сейчас не такой был момент.

И чего ты, мама, волнуешься? Ходишь за мной, будто я у тебя всё ещё появляюсь...

И не шуку я вовсе, говорю — мимолетом... А волноваться... Как же не волноваться, сынок! Дело-то какое... — у Анны Прокофьевны дрогнула голова, и она отвернулась.

— Пойдём домой, — сказала Михаил матери, стараясь смягчить свой протуженный голос. — Покорми меня, да я и поле поддам.

— Ну, пойдём, пойдём... Ты говоришь, волнуешься зря... Нет, не зря! Теперь-то за тебя, сынок, спокойна, небойей некой, встала в жизни, вышла на прямую дорогу. Разве мне не радостно это знать? Легко ли было вас без отца-то в люди выводить...

Когда они вышли из райкома, зих охватившая сырватая прохлада. Вечерняя зоря уже угасла. Проступали звёзды, будто мглай полях появлялись безудавившие огни. Это рождала, восторженно бригады, горюхались управиться с паковой, нока стоит хорошая погода. Михаил ревниво следил за этими дабыми огнями. Теперь он уверенней, настойчивей поведёт свой трактор по прямой борозде... Вскоре появился ещё один широкий и яркий сноп света в поле за Старым горелашем.

СТУДЕНТ ИВАН ФЕНЬКО

В Запорожье Иван Фенько приехал из Челябинска. В кармане у него был аттестат зрелости, а это в сочетании с профессией домнищика значило совсем не мало.

«Интересно, какую дадут мне здесь работу?» — думал юноша, с любопытством оглядывая многотрубный комбинат, раскинувшийся на левом берегу Днепра, и строгий по архитектуре город. Над «Запорожсталью» колышались чёрные, серые и багровые столбы дыма. Город был окутан первой зелёной дымкой. Весна дышала и в молодых аллеях новых посёлков.

— Значит, у вас среднее образование? — спросили Фенько в отделе кадров. — Что же, для нашего комбината это как раз подходит. Поработаете сначала учеником газовщика, а там посмотрим...

Учеником! Иван был сматка обиден. Но этой обиды ему хватало ровно на столько, сколько потребовалось времени, чтобы дойти до стройной громады доменного цеха.

В первые же дни работы, поговорив с горновыми, водопроводчиками и газовщиками, Иван узнал, что люди с образованием здесь не редкость. Одни из них посещали вечерние школы рабочей молодёжи, которые имелись при каждом посёлке, другие (главным образом прокатчики) учились в вечернем металлургическом техникуме. Третьи (а это были большей частью молодые мастера) получали высшее образование заочно — в Москве, в Днепропетровске, в Харькове. Те же, что совсем не имели никакой специальности, прибегали к ней в учебном комбинате «Запорожстали». Отсюда выходили квалифицированные токари и слесари, сварщики и горновые доменных цехов. На «Запорожстали» учились свыше двух тысяч юношей и девушек.

Приближается экзаменационная сессия. Мастер доменной печи № 2 Иван Емченко (слева) и начальник смены Евгений Балунюк готовятся к экзаменам.

Запорожсталь. Выпуск чугуна.

«Запорожстали». Отсюда выходили квалифицированные токари и слесари, сварщики и горновые доменных цехов. На «Запорожстали» учились свыше двух тысяч юношей и девушек.

Молодёжь цеха охотно приняла Ивана Фенько в свой дружный коллектив. Правда, многие домнищики удивлялись: зачем понадобился Ивану такой изюбр? Ведь газовщик ежeminутно наклоняется к огненному глазу фурмы, чтобы посмотреть, как идёт подогрев воздуха.

Но Фенько работал хорошо, с лихим задором, заметно выделяясь своей расторопностью среди остальных газовщиков. Это не ускользнуло от наблюдательного глаза начальника доменного цеха Иннокентия Андреевича Кузьмина. Опытный инженер и руководитель, он заботливо растит будущих мастеров. У комсомольцев «Запорожстали» Иннокентий Андреевич — первый друг и советчик. В кружках техникумов, которые он периодически организует для домнищиков, больше всего занимается молодёжь. Ступень за ступенью она овладевает своей сложной профессией — мастером чугуна.

Иван Фенько был в числе самых способных учеников. Начальнику доменного цеха пришлось по душе любознательность газовщика, и он решил помочь ему стать настоящим мастером. Вот здесь-то и пригодилось Ивану среднее образование! Он хорошо разбирался в химических знаниях плавки, быстро производил расчёты в пропорциях засыпаемой шихты. Вахтенный журнал домнищиков стал его любимой книгой. В этом своеобразном дневнике домы велась запись всех операций по режиму печи. Старательно изучал

Фенюко и тайну точных приборов, развешанных в пираметрической будке. А прибор тут было около сорока.

Конечно, не один начальник цеха поговаривал Ивану Фенюко. Опытом своей работой делился с ним и два молодых друга с соседней печи № 2 — лучшие доменички «Запорожстали» Евгений Бакунов и Иван Емченко.

Спустился погода Иван Фенюко стал мастером у печи № 4. И здесь он работал старательно, легко, уверенно, потряхивая всё тем же пыльным чубом. Но дома часто капризничал, недовадил чуту, сбавляла температуру. Чуту же по канавкам не осветлял-белый, как на соседней печи, а красноватый, или, как говорили доменички, «холодный»...

— Ох, Иван, — замечала новому мастеру начальник цеха, — начнётся ты скоро у нас аминь. И аминь аминь с чуба... А Ивану нужно было «аминь» не только с чуба. С тех пор как он стал мастером, на японских губах его красовались огромные пушистые усы, точь-вотч как у начальника доменного цеха. Ребята не раз намекали ему, что сходства с Иннокентием Андреевичем нужно добиваться не при помощи усов, а по его деловым качествам. С начальника цеха действительно можно было брать пример. Он строг, принципиален и в то же время сердечен, а главное, несмотря на занятость, успешно готовился к защите докторской диссертации по металлургии.

Чем дольше работала у печи Иван Фенюко, тем больше менялась и его внешность. Он давно расстался с усам, укоротил чуб. И печь, выдавала теперь более полноценные, укоренные плавки. Ивану Фенюко начали похвалять на комсомольских собраниях. Вскоре его портрет появился на доске почёта. Что скрывать, приятно было парню увидеть себя на видном месте, рядом с такими знатыми доменичками, как Евгений Бакунов и его друг Иван Емченко.

Иван Фенюко и на работе продолжал учиться, перенимал опыт своих товарищей.

Как член цехового бюро комсомола, Фенюко не раз заходил на вторую печь,

чтобы пригласить доменичков то на коллегивную прогулку за Днепр, то во Днепропетровск на вечер самодеятельности. И тут Иван как-то заметил, что методы его работы значительно отличаются от методов работы доменичков второй печи. И начальник смены Евгений Бакунов и мастер Иван Емченко, окончившие металлургический техникум, во время пуска плавки больше внимания уделяли не цеху, как это делал Фенюко, а пираметрической будке. Во время, как печь выдала чуту, мастер Емченко следил за равномерностью осадки шихты, за температурой фундамента печи, да и за чем только он не следил, переходя от прибора к прибору!

— Сразу видно, с дипломом паренёк — заметил однажды кто-то из старых доменичков. — С приборами он запорожство варивает да и в химических анализах лучше нас, практиков, разбирается...

Последняя фраза насторожила Ивана. Ещё совсем недавно он гордился тем, что получил звание мастера, минуя техникум.

По дороге домой он довольно часто задержался у доски показателей доменного цеха. Печь № 4 отставала от печи № 2 всего на несколько сотых процента. Как будто пустяк. Но почему он, мастер, до сих пор отстался к этому спокойно? За какой сотой процента скрывался несколько десятков килограммов недопущенного чутуна, а сколько набралось их за месяц, за квартал, за год? Почему доменички-магнитогорцы, приехавшие на «Запорожсталь», вызвали на соревнования коллектив не четвёртой, а второй печи? Случайность это или выбор?

Иван шагал к проходной будке, так и не разрешив своих сомнений. Его догнала легковая машина начальника доменного цеха.

— В город, Иван? Сядьсь — подвезу! — И пока Фенюко усаживался, осторожно отодвигая в сторону свежий том энциклопедии и пухлую тетрадь с набросками к диссертации, Иннокентий Андреевич спрашивал поучтича: — Чего шумишь? Какие новости в комитете комсомола? Как руководишь политкружком?

Иван чистосердечно выложил началь-

нику цеха всё, о чём думал в последние дни.

— Вы меня, Иннокентий Андреевич, знаете больше других. Можно сказать, воспитаник ваш. Вот и скажите мне откровенно: достаточно ли моих знаний, чтобы самостоятельно управлять печью? — Сейчас достаточно, — подумал, ответил Иннокентий Андреевич. — А через год будет маловато. Техника-то наша вперёд шагает. Вот и ты, — добавил он, улыбаясь в лице Ивана растерянный, — не отставай от неё, старайся повышать свою квалификацию, учись.

— А Емченко? Емченко в этом году будет где-нибудь учиться?

— Емченко с Бакуновым подали заявление во Всесоюзный заочный политехнический институт, — уклончиво ответил начальник цеха. — Ну, бывай здоров, Фенюко, мне направо...

Теперь Иван Фенюко — студент иллейного факультета Запорожского института сельскохозяйственного машиностроения.

Его постоянно видят с книжками. Он читает их в трамвае и в трамвайных остановках, а в обеденный перерыв непременно заходит на вторую печь, к студентам Всесоюзного заочного политехнического института Емченко и Бакунову. В пираметрической будке часто слышится теперь слова: «аналитическая геометрия», «теоретическая механика», «начертательная геометрия»...

Да и не только в пираметрической будке можно услышать эти слова. Вечерами, когда из нового города в старое Запорожье едут саёсары и токари — будущие инженеры, — они горячо обсуждают темы курсовых работ и вслух мечтают о том, что уже давно пора открыть в Запорожье специальный металлургический институт, как в Днепротресте, как в Сталине, как во многих других индустриальных центрах страны.

— Тогда можно было бы и в аспирантуру поступить, — говорит кареглазый паренёк в украинской рубашке. — Ты, Иван, как думаешь?

— В аспирантуру поступить, так всёгда можно было бы желание, — сдержанно подтверждает Иван Фенюко.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Обыкновенное письмо

...Думала, сегодня же отвечу.

Лист взяла и села у стола...

Но вернулся Виктор:

— Добрый вечер!

Извини, пожауйста, — дела.

О культурно-массовой работе

Сбываю и долго толковала —

Подготовить к будущей субботе

Общественный карнавал.

Покрасна е фразу не окончила,

И кармана вытаскала духи

И... удара.

Подаренный флакончик

Была завернут в свежие стихи.

В них писал о том, что кто-то где-то

От кого-то просто без ума...

Автор на конкретные предметы

Напустила застенчивый туман,

Как мне быть с лирическим рэотом?

Не был он на лекциях опыте.

Завтра заседание комитета,

Виктора придётся обсуждать...

Я уже, наверно, засыпала...

Не сердись,

приснись, даёкий мой!

Мысленно на письма отвечала,

Каждый вечер говорю с тобой...

.....

Может, выступала слишком круто?

Может, это по моей вине?

Понимаешь, больно мне,

как будто

Выговор не Виктору, а мне.

Я ему потребовал строгий.

Он — к дверям.

— Ах так? Благодарю!

Объяснил прогулы на пороге:

— Я писал стихи секретарю...

Он не понял...

Не от менякой мести,

От каких-то личных передрят...

Если бы ты бы на его месте,

Я бы тоже поступила так.

С настроением просто нету сладу.

Тихий вечер.

Все уши в кино.

Надо мне готовиться к докладу,

Я ж могу расслапаться...

Смешно?

Ждут меня нетронутые колабы.

Я сижу в глубокой тишине.

Мой даёкий, если вдруг вошёл бы

Ты в лабораторию ко мне!

Ничего, что накурив бы густо...

Снял пиджак, ты сдвинула бы стоам,

Чертежи ты развернула бы с хрустом,

Придавила бы кнопками утам...

Мы работать будем молча рядом.

Больше я ни слова не скажу.

Я сейчас же занимаюсь сладу.

А письмо на завтра отложу...

Сталинский стипендиат студент четвертого курса металлургического факультета Московского института стали Сергей Безобразов.

Фото Г. Ворникова

Цимлянский гидроузел. Инженер отдела связи Нина Москвитина за проверкой работы коммутатора.

Фото А. Бокалов

ШПАРГАЛКА

Юмористический рассказ

Рисунки Е. Комарова

За дверью шел экзамен. Студенты стояли в коридоре, слушая Нину Бурцеву, живую черноглазую девушку, которая рассказывала о том, как ей достался самый трудный билет и как она всё-таки «сдюжила» на него ответить.

— А вот Валя Прохорова, — начала она таинственным шепотом, удобнее усаживаясь на подоконник, — вероятно, получила...

Но Бурцева так и не успела высказать своё предположение. Дверь аудитории открылась, и появилась сама Прохорова. В её глазах и плотно закрытых губах застыла обида.

— Тройка, — объявила она, ни на кого не глядя.

— Все-таки тройка! — обрадовалась Бурцева и соскочила с подоконника. Пождав к Вале, она ухватила её за руку, чтобы утащить к окну.

— Постой! — крикнула Прохорова, но было уже поздно.

Все увидели, как из-под жакетки, из рукавов платья, как листья с дерева, посыпались листочки, написанные мелким почерком, странички из учебников. Это были шпаргалки.

Прохорова трещащими руками стала собирать листки с пола.

— И нечего смеяться! Ни один порядочный студент не сдаёт экзамены без шпаргалок... В ответ раздался громкий смех.

— Конечно, — поддержала подругу Бурцева, — только надо уметь ими пользоваться. Я, например, тоже беру с собой шпаргалку, но как таинским...

— Знаем этот «таинским!» — продолжала упорствовать Валя. — Все вы по таким «таинским» сдаёте...

— Безусловно, — медленно и нарпев прозвонил Коля Кравцов, так что трудно было решить, говорит ли серьёзно или в шутку. — Именно по таким...

Кравцов был отличником. Сегодня по случаю экзаменов он появился в новом костюме и выглядел весьма представительным.

— Разве ты пользуешься шпаргалками? — удивлялся Бурцева.

— Бывает, — ответил он тем же неопределённым тоном и улыбнулся. — Хочешь, Валя, я и тебя научу, — обратился он к Прохоровой.

Валя обиженно поморщилась:

— Слабо. Такой премудрости мы научены.

— Научена, а сдашь на тройку. Можно было бы и пятерку получить. Хочешь, научу?

— По шпаргалкам?

— Можно и по шпаргалкам...

— Ты что-то хитришь, — сказала недоверчиво Валя.

— Воисте нет. Соглашайся, пока я добрый.

— Нет, ты что-то хитришь, — повторила уже тише Валя, вспоминая, как Кравцов хвастался на комсомольском собрании за добросовестную и серьёзную работу.

— А вдруг я вовсе проваляюсь? — отступила она на шаг, пряча за спину руки.

— Что тебе бояться? — вмешалась Бурцева. — Не попарится — будешь сдавать по-своему, как сегодня.

— Все рассмеялись, вспоминая конфуз Прохоровой.

— Хорошо. Я согласна... просто из интереса. В библиотеке Коля положил перед Прохоровой объёмистый том истории старославянского языка — предмет, который нужно было сдавать на ближайшем экзамене.

— Во-первых, Валечка, — загнула он указательный палец, — нужно в блокнот обстоятельно записать историю юса большого, юса малого и буквы ять.

Кравцов вытерпел в воздухе букву ять.

— Во-вторых, — загнул он второй палец, — надлежит делать так...

Он подробно объяснил, как надлежит делать.

— Нет уж, спасибо! — вскопчила Прохорова с места, когда Кравцов закончил свои пояснения.

— От такой работы можно умереть...

— Разумеется, — согласился юноша. — Это тебе не выравнивая из учебника страничка...

Кравцов прозвонил: взглянула на Валею. От этого взгляда Прохоровой стало неуютно, и она сконфузившись опустила голову.

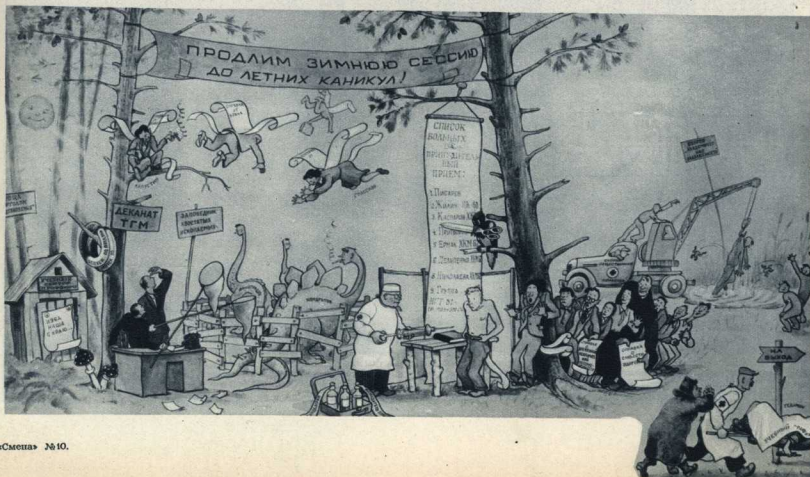
— Пожалуйста, — сказала она, пренебрежительно надув губы, — не думай только, что я так глупа...

И она молча села писать. Через несколько часов Коля осторожно взглянул в написанный Валею блокнот.

— Ну как?

Валя ничего не ответила, только пожала плечами.

Так бывает в некоторых институтах и с некоторыми студентами перед экзаменационной сессией.

СТУДЕНЧЕСКОЕ АТЕЛЬЕ МОД...

Блузка для сдачи зачётов и экзаменов.

«АВТОСВОДКОСОБИРАТЕЛЬ».

Ни мысли, ни движения,
Мы каппи напряжёны,
Только знай, не зевай,
Шибче кнопки нажимай!

Коля принёс из буфета два пирожка с повидлом и горсть ирисок. Он знал, что она любит ириски, но Вала на них даже не взглянула. Расстроенный Коля вышел покутить. Когда он вернулся, пирожков и ирисок уже не было...
Вечером Коля сказал:
— На сегодня, пожалуй, хватит. Как ты думаешь?
Вала опять пожалала плечами и покорно отложила книги.
— А завтра придёшь? — спросил он осторожно, затаив дыхание.
— Не знаю! — сердито ответила девушка.
Но на следующий день она пришла. К удивлению Коли, она была даже весёлой.
— Знаешь, мне всю ночь снилось, что я летаю верхом на букве «ятъ»...
— Сон в руку, — улыбнулся Крацов и подвинул Вале новую книгу.
— Ты решил меня вовсе умирить, — сказала она уже добродушно и взяла из рук Коли ириску.

Наступил день экзаменов.
— А что бы случилось, если бы ты вдруг потеряла свои блокноты? — спросил по дороге в институт Коля.

Вала даже поблдепела от этой мысли.
— Побойба бы! — ответила она решительно.
— Посмотрим, — сказал Крацов и стал задавать ей вопросы.

Прохорова отвечала уверенно, и Коля вынужден был признать:

— А ты, оказывается, соображаешь... Это была самая высокая похвала, на какую он был способен.

Перед самым экзаменом Коля куда-то исчез. Вала беспокойно забегала по коридору.

— Девочки, вы не видели Крацова? Он мне очень нужен.

Крацова никто не видел.

Только она собралась побежать наверх за Колей, как на пороге аудитории показались профессор Рогов. Как всегда, он был привлекателен, и старческий голос его звучал тепло и мягко.

— Ну, голубушка, — обратился он к Прохоровой, — пойдёмте...

— Николай Иванович... — залепетала она, — я одну только минуточку...

— Пойдёмте, пойдёмте, — заговорил Николай Иванович ласково и, по-отцовски обняв Валу, унёс её в аудиторию.

В коридоре наступила тишина.

— Провалится, — многозначительно заключила Нина Бурцева, перелистывая толстую книгу с огромным вырезом буквы «ятъ» на обложке, — обязательно провалится...

Вала выбежала из аудитории весёлая и счастливая.

— Девушки, — воскликнула она радостно, прижимая к груди зачётную книжку, — пятёрка, да ещё какая, даже Николай Иванович похвалил! А знаете, — заговорила она тихо и торжественно, — ведь я славила без шпаргалок, честное слово! Это он меня подвёл, — указала она на неизвестно откуда появившегося Колю, — взял их и скрылся...

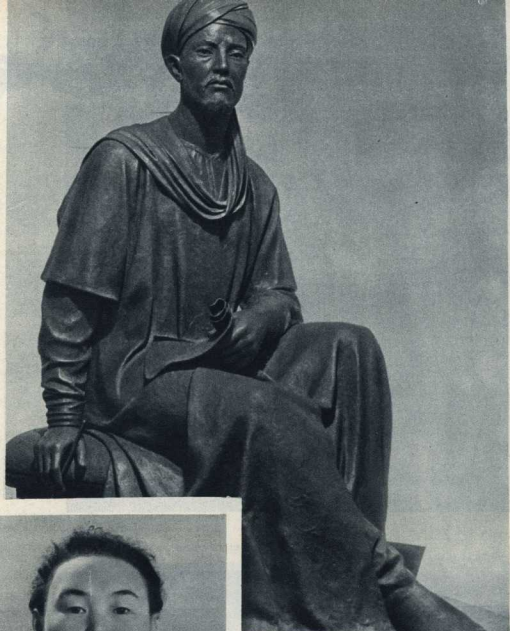
— Могу подтвердить, что они здесь, — помахал Крацов пачкой блокнотов.

И близорукие его глаза лукаво улыбались.

Карикатуры из студенческих стенгазет: «Комсомолия» (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова), «Котви» (Московский энергетический институт имени В. И. Молотова), «Геофизик» (Московский геолого-разведочный институт имени С. Орджоникидзе).

СКУЛЬПТОР ИРИНА КАРАЧАКОВА

...Взор его полон глубокой мысли и вдохновения. Кажется, что пот видят уже законченной «Фархад и Ширин», свою героическую песнь о любви, и губы его шепчут мессии — звучные поастиши, которые сейчас он записывает...

Такая молодая скульптор Ирина Карачакова запечатлела в гипсе основоположника узбекской литературы Низамеддина Аалишера, назвавшего себя Навои — «мелодичный».

Скульптурная фигура Аалишера Навои правдиво раскрывает образ творца-гуманиста, мечтавшего избавить свой народ от гнета тиранов. Великого классика мы видим в ту пору его жизни, когда им слагались бессмертные поэмы, вошедшие в знаменитую книгу «Дивана».

Естественна и выразительна поза поэта. В чертах его лица чувствуется скорбь о страдающих, бедных землянах и ремесленниках и благородный порыв поэта, его любовь к людям и вера в радостное будущее. С подкупающей теплотой, свободно и легко передаёт Карачакова высокий гуманизм поэта. Скульптор тонко подметила и существенную деталь в образе Навои — его некоторую замкнутость, узбекский классик чувствовал «мыслетей» кровавых тимуридов, правителей страны.

Статуя радует глаз спокойной монументальностью, строгой скульптурной весомостью форм.

Серьезный успех молодой художницы тем более отраден, что её Навои — дипломная работа, только первый самостоятельный шаг в большое искусство. Карачакова лишь в прошлом году окончила скульптурный факультет Ленинградского института имени И. Е. Репина Академии художеств СССР.

Образ Аалишера Навои давно привлекал к себе воображение молодого скульптора. Ещё в 1948 году Ирина Карачакова делает черновой эскиз, в котором уже тогда удачно решалась композиция, верно вырисовывались характерные черты замечательного поэта. Она всматривалась отосматриваясь в каждый детали скульптурной фигуры.

Произведение даровитой девушки сразу привлекало внимание художников и общественности. Прошлой осенью Ленинград любовалась скульптурной фигурой Аалишера Навои, выставленной в залах Русского музея. Вскоре статуя была затребована в Москву и заняла видное место на Всесоюзной художественной выставке 1951 года.

Альбомиста истории того, как Ирина Карачакова стала скульптором. Девушка-кавказка, родившаяся в деревне, с малых лет увлекалась рисованием и, приехав во Фрунзе, однажды узнала вывеску художественной студии. Ирина решила: «Поступлю на работу, а вечерами буду учиться живописи».

— Мога бы я учиться у вас заочно? — спросила она, прийдя в училище.

— Заочно живописи не учатся, — дружески ответила ей старый художник, ученик Репина, Николай Васильевич Розанов. — Пожайте лучше, что вы умеете...

В эти дни, набросках и зарисовках де-

Ирина Карачакова.

вухи опытный живописец увидел недюжинное дарование. Он стал первым учителем Ирины.

Но настоящее призвание Карачаковой выявилось совсем неожиданно. Весной 1944 года на солнечной, простужей улице Фрунзе её остановил местный скульптор. Его заинтересовало примечательное, волево и уязно, монгольского типа лицо девушки, и он попросил у Ирины согласия лепить её.

Ирина стала позировать. «Почему бы мне самой не попробовать вылепить автопортрет?» — подумала она. И вот она в свободное время начинает сама работать с пластилином.

Знакомых Ирине художников и скульпторов поразило, как это девушка, не имевшая самых простейших навыков в скульптуре, смогла без всякой помощи мастеров вылепить свой портрет.

Аалишер Навои.
Всесоюзная художественная выставка
1951 года.

— Сделано с чувством, — говорили они в один голос.

Ирина была охвачена искренним признанием. С этого дня она всюду и всегда внимательно высматривала тизажи для новых работ. Она поехала в Ленинград. Там в высшем учебном заведении опытные педагоги с любовью и надеждой шифоновали талант, совершенствовались мастерство одарённой девушки. Ирина стала первым скульптором возрождённого казакского народа.

...Ирина подходит к письменному столу в комнате старинного дома в Ленинграде. У этого стола она перечитывала напечатанные строки Навои — «мелодичного». Здесь придирчиво всматривалась она в фотопроизведения первых вариантов скульптуры.

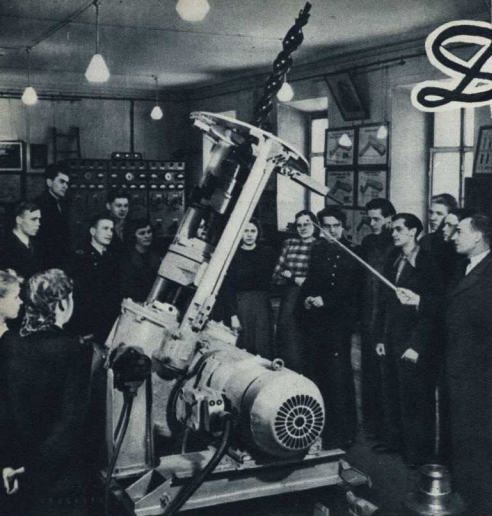
И, как прежде, сосредоточенно и азучиво, снова смотрит она на фотографии. Сун Цзин-инь... Главная дочь китайского народа, верная спутница Сун Ят-сена, зачинатель революции в Китае, преданный друг китайских тружеников... Прямой, твёрдый взгляд. Высокий, чистый лоб. Женственность и мужество.

Лично замечательной китайки, лауреата международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», Ирина мысленно воплощает то в глину, то в мрамор. Портрет Сун Цзин-инь — новая задуманная её работа.

Лично подходит к окну. Скоро создаст она скульптурные портреты многих героев борьбы за мир, создателей мирной жизни, тех, что сейчас шумной чередой проходит мимо её окна, живут вместе с ней в одном городе, трудятся вместе с ней в замечательной стране.

День открытия

Владимир

Мы —
Богатые дети.
На свете, Богаче не видели.
Мы росли, и мы знали,
что с нами
Богатство растёт:
ежедневно

дарили нам
наши родители

или дом,
или домну,
или целый завод!
Мы ходили в рубашках,
у красного галстука чуть хрустящих и гладких,
летом нашим жильём ветром вздувало концы...
Белоснежные были палатки,
зимой — белокаменные палаты-дворцы.

Когда мы выросли,
когда стало ясно, что кончилось детство,
наши отцы

горизонт обвели рукой.
— Обратите внимание, — сказали, —
какое мы вам вручаем наследство:
лучшие фабрики,
лучшую технику,
лучший государственный строй!
И нам стало ясно:

не должно быть зазнайства!

Мы,
сверив с временем сердец наших стук,
должны учиться.

День открытых дверей в Мос

открытых дверей

ТОРОПЫГИН

Учитесь!
Обладателям такого хозяйства
надо быть обладателями сокровищ наук.

Ещё в удачу свою не веря,
торопишь передних: скорей, скорей!..

И действительно,
на успевают двери
закрываются

в день открытых дверей.

Потом все бродят по коридорам
среди незнакомых, стремясь найти
друга на

завтра,

друга,

с которым

в студенческий путь идти.

Празднично,

шумно,

весело,

но вот тишины пора:
о будущих наших профессиях
рассказывают профессора...

Только держись:

голова чтоб не кругом,—

все факультеты
к твоим услугам!

И надо идти —

день ясный совет —

на самый

любимый

свой

факультет.

г. Ленинград.

горном институте имени И. В. Сталина.

Фото А. Степанова

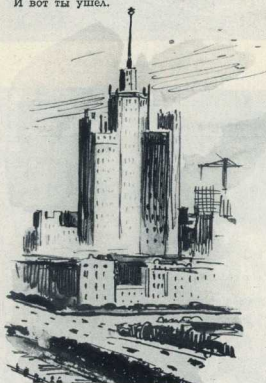
Молодые поэты Армении

Маро МАРКАРЯН

Наша любовь

Любовь наша,
Если начать вспоминать,
Ни часа у нас для себя не взяла.
Тебе было некогда письма писать,
Мне некогда было смотреть в зеркало.
Смешались взор
Да школьный наш двор.
Субботники.

Песни. Листы стелгазет.
Кружки. Затянувшийся заполовч спор.
Билет комсомольский. Университет.
Так с самого детства
Нас общей судьбой
С тобой наделама родная страна,
Сплела наши чувства с великой борьбой,
Которой любовь наша подчинена.
И вот ты ушёл.

Хасан.
Халхин-гол.
И взрывы над глыбами финского льда.
Победа!
Но, деньги швыряя на стол,
Опять замышляют войну
Господа.
И взрывы,
и зареве из темноты,
И мы не успели опять домечтать.
Прервались мечты,
и упала мосты,
И жертвы,
и жертвы,
и жертвы опять.
Но правде великой
Открыты сердца.
Бессмертные подвиги люди творят.
К победе,
к победе
сквозь трассы свинца

Новый отряд молодой армянской поэзии вырос и окреп в дни Великой Отечественной войны. Почти все исследователи армянской поэзии — бывшие фронтовики. Они идут по пути, проложенному основателем армянской советской поэзии — Асиком Асикяном, по пути страстного поэта-трибуна Наира Зарьяна.

Широкое общественное звучание приобрели голоса талантливых поэтов, награжденных Сталинскими премиями. — Георгия Эмина и Сильва Капутикян.

Также известны в Армении поэтесса Маро Маркарян и поэт Рачия Ованесян. Понятно их в ближайшие времена выведет на русский язык.

Поэт Ваагн Давтян написал интересную поэму о Сталине — «Грузинский краб». Молодой поэт Паруйр Севак, любимый армянской молодежью, написал поэму о животноводческом колхозе. Успешно развивается творчество поэтов Амо Саггана, Сагатеда Арутюняна и других.

Национальная форма в стихах всех этих поэтов складывается и в звучании их, и в богатстве образов и красок, и в собственном имении этому народу юмору, но по общему характеру и содержанию армянская поэзия всё шире и шире охватывает жизнь не только своей страны — она служит интересам всего передового человечества.

Ведёт полководец
советских солдат.

...

И снова сбываются наши мечты...
...Да, кажется, всё было в жизни у нас:
Дороги в цветах и тропинки в крови.
Но где он, тот праздный единственный час,
Который отпущен для тихой любви?
Что скажем мы?

Некогда было любить?
Неправда! Не деять любовь по часам!
Всё то, чем мы жили,

чем будем мы жить,
И было любовью, подаренной нам.
Труда вдохновение,
Тревоги разлуки,
И горе, и радость, пришедшая вновь, —
Во всем этом наше богатство, мой друг,
Которому имя — любовь!

Перевёл с армянского
М. МАКСИМОВ

Ваагн ДАВТЯН

Ковёр

Азербайджан! В тот век, когда
Являлись в гости на оase,
Уж были дочери твои
Искусны в ткацком ремесле.
Я знала об этом. Довелось
Проверить нынче ту молву.
И вот я вижу твой ковёр
Не в дивном сне, а наяву.

Искусство опытной руки,
А не пустая прихоть грёб
Былао здесь, халыва башмы,
Там зелены виноградных лоз,
Взяло цветы у сотки клуб,
Расшило бадочки озёр
И ограничило кайму
Ультрамарином дальних гор.
Плывёт над скачным ковром
Дремотный арамот бахчей.
Стоят плодовые сады
Все в лптах солнечных лучей.
В просветах синих — свежестъ рек,
В узорах — линый красота.
Над глаза здесь собрал Восток
Все чудо-краски, все цвета.
Ндего такого дива и
Не видя на своём веку,
Я гостя, летеший над ковром
На самолёте из Баку.

Перевёл с армянского
Ю. ГОРДИЕНКО

Рачия ОВАНЕСЯН

Ласточка

Ласточка кружит над нашим домом,
Вот она мелькает над антенной,
Радует нас щелчком знакомым —
Песеню своею неизменной.

Пролетелась над кроною платана;
Воздух прозвонят крыльях-стрелам,
Будто бы из песни Доконьяна
К нам повеселенней прилетела.

Этот щелбет — мирной жизни голос.
Всем запомнивает он о мире.
Ничего, что ласточка не голубь,
Только песня б разлеталась шире!

Встало утро над землей розовой,
Прета мира — голубое небо.
Жизни зовёт, влечёт неудержимо.
Бесконечно жить хотелось мне бы!

Ласточка стрелчатая над крышей;
В комнате дитя поёт, играл,
Песня мира рвется дальше, выше,
С губ людей страны моей слыша.

Точно вторя песне беззаветной,
Точно слыша голос этот детский,
Выше птицы в высоте расцветной
Пролетает самолёт советский.

Перевела с армянского
В. ЗВЛГНЦЕВА

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

19 мая 1922 года пионерской организации имени В. И. Ленина исполняется тридцать лет. Это большой праздник юных ленинцев, всей счастливой советской детворы! Вместе с пионерами и школьниками этот день с радостью отмечают все трудящиеся нашей страны.

Создание пионерской организации и вся её история неразрывно связаны с именами Ленина и Сталина. Организация юных пионеров возникла в 1922 году. Её роль в коммунистическом воспитании подрастающего поколения была определена В. И. Лениным. В 1919 году, во время праздника, посвящённого дню всеобщего военного обучения, Владимир Ильич говорил, что и дети, подрастающие пролетари, должны помогать революции, что организация детей — это лучший путь воспитать коммунаров.

В 1922 году в Москве, Ленинграде, Туле, Одессе, на Украине и на Урале стали со-

Перед сбором отряда.

фото Г. Борисова

Помогать младшим — долг каждого пионера.

фото Г. Сафонова

здавать первые пионерские отряды. Число пионеров росло с каждым днём, и на II Всероссийской конференции комсомола, 19 мая 1922 года, было решено объединить все пионерские отряды в единую пионерскую организацию. Этот день и считается днём рождения пионерской организации.

...Январь 1924 года. Красные галстуки пионеров в чёрном крепе.

Умер Ленин... В эти дни пионерской организации присваивается имя Владимира Ильича Ленина.

Обращаясь к пионерам, Центральный Комитет комсомола писал:

«Учиться, бороться и жить, как жил и боролся Ильич, — это самое важное дело». «Дети фабрик, заводов, полей!»

Под красным знаменем пионеров — юные бойкие, смелые, твёрдо идите по стопам Ильича!»

...Юные, бойкие, смелые, 23 мая 1924 года шли 10 тысяч пионеров по улицам столицы на Красную площадь, к Ленинскому мавзолею, чтобы дать клятву верности делу Ленина — Сталина, чтобы принять имя Ильича.

На широкий солнечный простор Красной площади вывалились все новые и новые ручейки — колонны пионерских отрядов. Площадь забурляла, заколыхалась, словно живое море, над которым, облакающие весенним ветерком, развевались красные паруса — пионерские знамёна.

Бьют куриты, и на площадь выходят делегаты XIII съезда большевистской партии, специально превращившие свою работу, чтобы принять клятву пионеров.

И вдруг многоголосое, громкое «ура» прокатилось по площади. Это вышел на площадь Иосиф Виссарионович Сталин. Вождь медленно обошёл пионерские ряды и, как обычно, приветствовал ребят.

Товарищ Сталин поднялся на трибуну мавзолея. Площадь замерла.

...В торжественной тишине пионеры давали клятву...

Юные ленинцы зорким зрением Ильича. ...1932 год. Перед военными врагами народа — кулаками — стоит дружный пионерско-комсомольский школь, Тавдинского района, Свердловской области, Павел Морозов. Мальчик смело разоблачает кулаков, что мужественно говорит одиосельчанам, что людно с кулаками и его родной отец. Отец — друг советской власти, поэтому он, Павел, не хочет называть его своим отцом.

В Москве, на Красной Пресне, стоит теперь памятник Павлу Морозову. Огляды из бронзы, мальчик, держа в руках знамя, кулаками свешивает.

На груди мальчика красная галстуки. ...Знойное среднеазиатское лето. Десять девочек стоят посреди халопного поля, и одна из них — Мамаляк Хананова — говорит председателю колхоза:

— Мы хотим убрать сорокасемь хлопков собирать. Установи для нас норму.

А председатель смеётся:

— Куда вам, маляшка! Вам учиться надо!

— Мы будем работать после школы, по два часа, — не уступает Мамаляк.

— Ну, давай, — соглашается председатель, — ты будешь овенницей. Дай взрослых норма — 30 килограммов, а для нас норма не надо, сколько соберёте, — и добавляет — Молодцы, пионерки!

Радостные, бегут девочки в школу.

Полощут по ветру их красные галстуки.

1935 год. Кремлёвский дворец. Из зала выходят передовики-хлопководы Туркменистана и Таджикистана. Среди них таджикская школьница Мамаляк Хананова. На груди Мамаляк орден Ленина.

Рядом с орденом красный галстук. ...1936 год. Премия Сталина. По родному полю Киевского городского района мимо высокой трибуны, на которой среди генералов стоит киевский школьничек Костя Кравчук, парадом проходят советские полки. Костя принимает парад. Он удостоен такой чести потому, что в годы временной оккупации города спас от фашистов боевые знамена двух советских полков.

Вот они, эти боевые знамена. Они одного цвета с галстуком, который горит на груди Кости.

Окружённая постоянной заботой партии, правительства, лично товарища Сталина, руководимая Лениным-Сталинским комсомолом, пионерская организация за 30 лет выросла в большую, дружную, трудолюбивую и несущую детскую семью.

Выполняя решения VII съезда комсомола и постановления VII пленума ЦК ВККСМ, пионерские организации стали активными помощниками учителей в борьбе за прочные и глубокие знания школьников. Пионерские сборы, походы и путешествия по родному краю, работа на пришкольном учебно-опытном участке, читательские конференции — всё это помогает пионерам лучше учиться.

Разнообразные формы работы пионерских отрядов в путешествиях. По родному краю в прошлом году отправилось 8 миллионов пионеров. Столько же ребят были участниками всеозонного конкурса на лучшего юного садовода. Оселание великих строек коммунизма, помощь старшим в выполнении великого сталинского плана преобразования природы, изготовление наглядных пособий для школ — всё это большие, полезные дела юных ленинцев.

19 миллионов ребят идут сейчас в пионерский отряд. В 14 миллионов красных галстуков нестриет по всей Советской стране, 19 миллионов чудесных ребят — будущих строителей коммунизма.

Заведующий СЕЛЬСКИМ КЛУБОМ

Принимая дела от своей предшественницы, Иван Кривоножко вспоминал слова автентичного райкультделца: «Возможности больше, а работа запущена».

То, что работа была запущена, он уже видел: девушка говорила о «пасивном отношении комсомольской организации колхоза к культурно-просветительному делу на селе», о том, что Сухорабово — «роokie селение», и работать здесь нельзя, и нужно бежать отсюда...

Иван молча слушал, поглядывая на модную причёску, красивые ногти девушки, и в его душе росло раздражение. Он не удержался от вопроса:

— Драмкружок не работал. Была попытка организовать хорую, тоже ничего не вышло. А как с танцами?

Девушка не заметила вопроса, оживляясь: — О, танцы. Танцы даже в горючку пошу, в уборочную организацию удавалось...

— Ну, что ж... Подпишем акт сдачи-приёма. Подписав акт, Иван решил искать, как сказал заведующий райкультотделом, «большие возможности».

Везде всего к «возможностям» Кривоножко отнёс библиотеку. Хорошая была библиотека в клубе, но читатель мало. Сцена, не пустующая лишь в редких случаях, когда в колхоз приезжали артисты из области или кружковцы из района, тоже была отнесена к «разряду возможностей». Были среди молодежи и певцы, но пели они где угодно, только не в клубе.

Был клуб, был кино. Надо было привлечь людей в клуб. В этом увидел Кривоножко главную возможность.

И новый заведующий не стал ждать людей у себя в клубе; он пошёл к ним сам. С самого утра уходил он на колхозный двор, на ферму, в мастерские, брал с собой газеты. Его встречали с интересом, но не было конца беседам о великих стройках коммунизма, о борьбе за мир, о новых снижении цен и просто о жизни-быть.

Колхозники с уважением слушали молодого агитатора, но много и спрашивали, нередко ставя Кривоножко в тупик. В таких случаях сам же обещал:

— Ничего. В следующий раз расскажешь, Иван Трофимович.

И он рассказывал...

Однажды зашёл в кузницу, Кривоножко увидел секретаря комсомольской организации.

— А-а-а... Тебя-то мне и надо!

— На предложение Кривоножко помочь наладить клубную работу комсорг развёл руками:

— Это бы, конечно, хорошо, да людей у нас таких нет... Подходящих... Пробовал...

— Ты что это, асерьёз! Есть люди, есть! А вот мы с тобой, видно, не на месте!

— Что же, по-твоему, нужно сделать?

— А это мы у молодежи спросим.

— Это секрет? Образуется секретарь? — В воскресенье созываем открытое комсомольское собрание.

Комсомольское собрание привлекло в клуб не только молодых, но и стариков: начала сказываться работа, которую проводил Кривоножко. О клубе говорили много и горючо. Внимательно слушали выступление Кривоножко, который горько ратовал за кружки художественной самодеятельности.

Но когда он кончил, на аала прозвучал дребезжащий тонкорк:

— Это — дело артистов, а нам послушать да посмотреть. Где уж нам, ничего не выйдет!...

— Выдлет! — раздался другой голос: — Если возьмётся хоронько, — выдлет!

Этот секрет Павлуसेвич посылал колхозники, которого хорошо знали и уважали в Сухорабовке. Многие обернулись в сторону того, кто сомневался в успехе. И под неодобрительными

взглядами одиосельчан склонилась голова Степана Денга.

Сельский музыкант-самоучка Степан Денга любил свистать гармошкой, собирать хорозов. Гордился он тем, что стóит ему только рвануть меха «хромик», как за его спиной уже целая вереница девчат. Такое внимание высоко ставило его в собственных глазах. И делить своё «славы» с клубом он не хотел.

И вдруг:

— Саудай, Степан, тут не свадьба! Обойдёмся в таком случае и без тебя!

Денга вскричал:

— Ах, так!

Но от него уже отворачивались, и, возлагая его махнув рукой, выбежал из клуба.

На собрании же решили ставить «Наташку Полтавскую».

Целый месяц трудились кружковцы над пьесой. Кривоножко — главный режиссёр, он же и играл и роль Петра. Работа пошлаела его великом. Даже ночью, проснувшись, он думал о репетиции.

Особенно радовало Ивана то, что молодежь всё больше и больше увлекалась клубной работой. На репетиции приходили и внекружковцы. Советские, рассуждали...

Внимательно прислушивался Кривоножко к этим советам и замечаниям; дельным радовался, а если что не подходило, умел доказать, почему.

Поча драмкружковцы готовили первую свою постановку, организовалась хор, и возглавляла его директор школы Горгола. Он оказался большим любителем пения. Хористы даже опередили драмкружковцев. Однажды после лекции они сумели даже небойальский концерт.

Вскоре слава о сукорабовском клубе разнеслась по окрестным сёлам.

За восемь месяцев было поставлено двенадцать пьес, и среди них: «Е степи Украины», «Калиновая роща», «За воям фронтом». Не поставила теперь клубная сцена. Век собирала клуб. И не только на спектакли. Незадолго начал работу литературный кружок. Руководить его — учительница средней школы Анна Ивановна Марченко — по-новому организовала обсуждение книг. Доклады и выступления иллюстрировались инсценировками. Так провели читательские конференции по книгам «Как за каменной стеной», «От всего сердца», «Золотые тысячки». Инженерники писали сами литературные кружки.

Появились в клубе и физкультурники и шахматисты. Нередко можно видеть, как шагают по селу, бережно держа подмышками инструменты, кружковцы-музыканты. В музыкальном кружке занимается теперь и Степан Денга.

Однажды в весенний вечер он остановился на улице села Кривоножко.

Знаешь что, Иван Трофимович, ты меня назывни. Я тогда так, — пробормотал Денга. — Не думал я, что ты серьёзно... Я буду теперь...

— Что ж, заходи. И смотри, Степан, не отставай от других. Ты посмотри, что делается. Вель у нас теперь только в библиотеке пьтуются читатели...

Да, многое изменилось в сукорабовском клубе. Для читателей-стариков комсомольской организации бригада школьников-книжниц. Большой авторитет среди колхозников заслужило и лекции в клубе.

Сельский клуб стал малобюджетным местом отдыха сукорабовских колхозников.

...Не так давно Иван Кривоножко избрал секретарём комсомольской организации. На собрании он сказал:

— Выгодарки, товарищи, за доверие. Обещано работать, не жалел сил своих, так как учить нас наша большевистская партия.

И. МАЛЕНКО

Полтавская область.

Одна из лучших телятниц колхоза имени Сталина, Черкасского района, Киевской области, Саша Кожемяна.

ФОТО Н. КОЗЛОВСКОГО

Московский театр драмы. Сцена из спектакля «Вей, ветерок». В роли Удысы — артист Александр Холодков, в роли Бабки — артистка Вера Славина.

Фото А. Моклацова

УЧЕБА НА СЦЕНЕ

Фото А. Мокляцова

Воспитание молодых артистов стало основой и традицией в развитии Московского театра драмы, который в этом году отмечает своё тридцатилетие.

В своё время в Московском театре драмы, ранее именованном Театром революции, существовало театральное училище, особенностью которого было сочетание методической работы с профессиональной, практической — на сцене.

Участье в спектаклях, в репетициях и во всей творческой жизни театра органически воспитывало у студентов определённую манеру актёрского искусства, позволявшую им после окончания учёбы легко и естественно влиться в основной состав труппы.

Московское театральное училище, выросшее из недр нашего театра, в настоящее время слилось с Государственным институтом театрального искусства, хранит живые и плодотворные традиции воспитания артистической смены, олодотворённые богатым опытом педагогической работы советского театра, но оно лишено, к сожалению, формы воспитания молодых артистов методом практической работы.

Каждый год этот институт и другие театральные учебные заведения выпускают сотни молодых специалистов, пополняя свежими силами армию советских артистов. Каждый год театры Советского Союза принимают в свои творческие коллективы молодых актёров, для которых настоящая школа творчества только и находится на профессиональной сцене. И часто случается, что отлично окончивший школу студент, имеющий прекрасный диплом, приступая к самостоятельной творческой работе, вдруг обнаруживает, что его знаний и умения работать не хватает, что, как только жизнь ставит его перед необходимостью большой самостоятельной работы, ограниченной жёстким производственным сроком, он ощущает беспомощность; словом, обнаруживает, что школа не научила его главному, без чего знания его оказались вроде как бы «без хозяина», без организующего и направляющего веса творческого процесса практического принципа. Школа, давшая ему много теоретических знаний, не научила его самостоятельно работать.

Происходит это потому, что до сих пор программы по классу актёрского мастерства отнюдь не согласуются с открытиями в методике К. С. Станиславского, потому что педагог порой считает, что работа актёра над ролью, над образом зависит от... игры воображения, от... неуправляемых всплесков интуиции.

И молодому артисту приходится очень серьёзно доучиваться после школы, и только в профессиональной работе уменно воспроизводить на сцене не переживания действующих лиц, а их поведение, их поступки, их действия, потому что только через действия, через поступки персонажей пьес зритель может понять и оценить их внутренний мир, их искание, потому что только единственный путь художественного познания в театре, потому что таких «язык театра».

Вот почему настоящая практическая школа для каждого молодого артиста начинается за пределами учебного заведения, и только в профессиональной работе обретает он подлинную квалификацию. Каждая роль, кроме творческих задач, ставит перед ним вопрос овладения мастерством, заставляет много передумывать и многому заново учиться.

Потому роль театральное коллектива в целом, его режиссёрской, режиссёров и старших товарищей особенно велика.

Сейчас в Театре драмы работает более двадцати молодых одарённых артистов, которые составляют почти треть состава труппы.

Сложившиеся в театре традиции выдвигания молодых артистов сменю и последовательно продолжая главный режиссёр театра Н. П. Охлопков, привлекая к работе с молодёжью лучших мастеров театра, имеющих богатый

опыт педагогической работы. По молодёжному смуту прошлого года была осуществлена большая педагогическая работа, а в этом году проводится ещё более обширная программа учебных отрывков.

Одной из самых замечательных форм воспитания молодых артистических сил является введённая Н. П. Охлопковым с 1949 года организация систематической работы над специальными молодёжными спектаклями.

Спектакли «Вей, ветерок» Райниса и «Яблоневая ветка» Добровольского и Симолаки явились не только замечательной школой для молодых исполнителей, но и вошли в основной репертуар театра.

О некоторых молодых актёрах хотелось бы рассказать подробнее.

В. Орлова, удостоенная премии на смотре творческой молодёжи 1948 года, вырастает ныне в незаурядного мастера сцены. В 1943 году, после окончания школы, она дебютировала в пьесе Гусева «Москвичка» в роли жизнерадостной и шумливой, задорной и бойкой Вари, в которой её яркое комедийное дарование сразу привлекло симпатии зрителя.

Драматическая грань её таланта, проявившаяся в исполнении роли Александры в «Лисичках» Хелман, дала возможность поручить ей ответственные роли в спектаклях «Молодая гвардия» и «Прага остаётся моей». Её растущее и совершенствующееся мастерство особенно заметно проявляется в исполнении Лоретты («Лето и жемчужины») и Майи («Яблоневая ветка»), в образах с очень различной и сложной гаммой внутренних переживаний и отличных друг от друга по яркости внешних характеристик.

На смотре театральной молодёжи 1951 года премий удостоены А. Холодков, В. Малашенко и молодой дебютант-режиссёр Д. Вурос. Участник Великой Отечественной войны, Александр Холодков, окончив в 1949 г. Шуйкинское театральное училище, дебютировал в Театре драмы в роли Улдаса в спектакле «Вей, ветерок». Пылкий темперамент и глубокое проникновение в сущность образа помогли Холодкову воссоздать яркий и убедительно-правдивый, романтический образ юноши сильных сердечных порывов и подлинной душевной красоты.

Знание жизни и психологии близких ему современников — молодых советских людей, участников боёв Великой Отечественной войны — легло в основу его работы над образом Виктора Черкашина в пьесе «Яблоневая ветка». А. Холодков занял серьёзное место в репертуаре театра такими ролями, как Олег Кошевой в «Молодой гвардии», Иркин в «Прага остаётся моей» и Гаранин в «Весна в Москве».

В. Малашенко сумел в образе Бориса Иванова («Яблоневая ветка») передать страстность и увещательность юности, иногда заблуждающейся, но умозрительно честно признающей ошибку и с открытой душой идущей навстречу дружбе и товариществу.

Чувство взыскательности и требовательности к себе характерно для работы молодого артиста Л. Крутова, который после демобилизации из Советской Армии окончил Шуйкинское театральное училище, в 1950 году был принят в труппу Московского театра драмы и дебютировал в роли Владимира в «Яблоневая ветка».

Разносторонность его растущего дарования позволила руководству выдвинуть его на ведущие роли репертуара театра. С успехом выступил Л. Крутов в ролях Джефа («Дорога свободы»), Игнатова («Таня»), Алексея («Обыкновенный человек»), не прекращая работать над углублением характеров этих образов.

Отрадное впечатление производит работа и таких молодых артистов нашего театра, как Н. Прокофьев, А. Зинovieв, П. Гуляев, В. Барков, В. Печников, В. Саавина, Е. Козырева и другие, создавшие ряд интересных и ярких эпизодических ролей.

Актриса Вера Орлова в роли Майи. Спектакль «Яблоневая ветка».

Актёр Вsevolod Малашенко в роли Иванова. Спектакль «Яблоневая ветка».

Актриса Евгения Козырева в роли Нади. Спектакль «Весна в Москве».

Актёр Лев Крутов в роли Джефа. Спектакль «Дорога свободы».

ТРУД И ЛЮБОВЬ

Кеана любить детей. И повесть согревается присутствием на её страницах детских образов. Их много здесь, все они не похожи друг на друга. Доктор Бартошенко борется за спасение жизни двухлетней Верочки, а на протяжении этой трудовой борьбы писательница улавливает изменения в характере и зародок доктора у маленькой пациентки. А когда Кеане приходится выехать на борьбу с эпидемией скарлатины в отдалённое село, она встречает и в детях благодарных друзей, а иногда и помощников.

Е. Шереметьева сумела сделать детей полированными героями повествования, найти им место в развитии сюжета. В этом немалая заслуга Криту. Доктор справедливо упрекает многих литераторов, пишущих для взрослых, в невнимании к детям, в обидном стремлении превратить детей или доль художественного действия, а то и вовсе умолчать о детстве. В повести «На далёкой реке» ребята показали себя благодарными героями: лирическая окраска произведений, сорванная их присутствием, усилилась, а словотворчество, уличалось его сила воздействия на жизнь.

Нет сейчас книг, в которой не действовал бы верный друг, требовательный воспитатель, героический партийный работник, секретарь райкома партии. С секретарём башемского райкома Белых часто встречается и герои повести Е. Шереметьевой. Писательница сумела внести в этот образ своё новое. Однажды Белых узнаёт, что начальник строительной конторы Лошаков, невнимательный к малым делам, Кеану Бартошенко не любит. Он считает её собственным делом. Повестью коммуниста Лошакова секретарь райкома расширяет как серьёзную ошибку. Он выговаривает начальнику конторы, никому ни слова не говорившему о нуждах своей семьи, оставленной в другом городе: «Надо подумать о тех, для кого ты строишь, то есть о детях...» В новом доме отдавший себе квартиру и сейчас не выписывает жилью. Безразличие какое — не мог раньше сказать! Партия устами Белых выговаривает Лошакову, прерывающему в сравнительно дешёвом ресторане деловые разговоры между самоотверженностью и аскетизмом, поправляет его.

Обаятельный образ коллектива складывается из портретов второстепенных героев: повести многодетного одноклассника Кеаны и Бориса, комбайнеров-украинцев, едущих на помощь колхозникам Сибири, врачей Башмы.

И все же и главным и эпизодическим героям повести многого не хватает. Кеана, например, подружилась с пожилым акушером Семёном Борисовичем. «Беседы я», пишет Е. Шереметьева, — в общности рассказывала о нём, о его провах профессионализма, а иной раз превращалась в увлекательную историю Семёна Борисовича. На другие темы они говорили редко. И не только о жизни Кеаны и Семёном Борисовичем рассказывались в повести подобные отноше-

ния. Здесь отчетливо видны остатки недоеврового взгляда на всё, что выходит из круга «профессиональных вопросов». «Не поведали» — одной из двух главных тем повести — любовь.

Существует в русском языке — не имея решительно никакого права на существование! — игольное словечко «ераскаться» в значении «похотиться». Вероятно, оно выдумано давно, а годы, годами людьми с чернильницей вместо души, прожжёнными борократами, которые видели в молодёжи «блудящихся единички». Самые «блудящиеся единички» слышат его в жизни обычно бывает до крайности неприятно, и вдвойне обидно встретить его на страницах книги о молодёжи. Е. Шереметьева выдвигает его в уста Исавлы. «Мам, не раскисайся ещё!» — говорит героиня повести. — Не успела...»

Возникновение неуклюжего и чёртового слова в повести по-своему закономерно. Е. Шереметьева говорит о любви много, но далеко не всегда умеет.

Ещё в Днепровтересов Кеана получает письмо от Бориса. Читатель ждёт хороших, искренних слов. Но надежды его обманули. Из разванного конверта к ней пошла упала отпечатанная на машинке бумага с уловым штампом. Кеана читает: «Справка». Бесстрастный язык делового производственного документа. Стоящая справка Кеаны Афанасьевне Бартошенко в том, что она является женой инженера-геолога Бориса Матвеевича Новака, а не его сестры. На несвойственные чувствам справку походит и приложенное к документу письмо: сухое описание географического положения города, сведения о составе населения, о здравоохранении, бедная характеристика врачей. Так, при помощи бумаги с печатью и нескольких строк нестойко сухого письма, решается судьба личной жизни юноши и девушки.

Они, правда, разговаривали о своём чувстве и прежде. Пока разговор шёл о планах дальнейшей работы, Борис говорил с увлечением, а Кеана — тихо, еле слышно, мягкий голос. Речь была о юноше и юноша «вдруг как-то придуманным голосом спросил...» Странный контраст! Досадно, что герои повести и романы будут говорить о любви аристократом придуманным голосом, делать предложения при помощи канцелярских справок? И не пора ли им забыть жаргонный глагол «ераскаться»?

Кеана и Борис говорят о своём чувстве за работой в короткие промежутки свободного времени. Кеана ждёт мужа из дальней экспедиции, еда ли не потому, что, ей надо срочно готовить доклад, а её организационных вопросах он великомерно разбираться и может помочь ей. Появляется замысел писательницы показать тесно взаимосвязанную личную и общественную. Но свести разговор о любви к торопливому объяснению между делом вовсе не означает раскрыть эту связь.

Писательница была глубокого и тонкого раскрытия. Смерть преврала работу писателя П. Павленко над новым рассказом, название которого было ещё не определено: «Письмо о любви», «Верность», «Возврат». Пожидый маюбр, герой этого рассказа — студент командиром партизанского отряда, нащип при убоем товарище связку писем. Письма эти П. Павленко сделал на редкость сокращенными по содержанию, жена писала мужу о детях, о своей любви, о драгоценных мелочах, каких много бывает в каждой крепкой семье. Муж её полюбил, его друзья читали эти письма в трудные минуты. «Когда, говорю, вы видели виды суровой вои», мы читали о трудовой жизни неизвестной нам женщины, матери трудолюбивого ребёнка, любившей мужа в этой святой и святой любовью, такая может существовать только у нас, в Советской стране, мы сами становились лучше, чище, сильнее... И мы думали тогда, что если бы у нас было только одна такая семья и одна такая любовь, — всё равно надо драться даже за этот единственный случай».

На повод поднимали создали своеобразные слова, исполненные чуждой любви П. Павленко показал чувство, способное вырасти «только у нас, в Советской стране». И в этом в соции раз разные связи лично с общественным, чем торопливому объяснениях усталых людей, разувинчивших говорить о своих чувствах.

Подчёркнуто признание любви Бориса и Кеаны порождено, вероятно, намерением Е. Шереметьевой показать подчинение интересам личных интересам общественным. Но писательница, не сумевшая при раскрыть чувство героини, пришла к противоречивым и двусмысленным результатам. «Обиженная тема» отомстила за себя. Не целестуевость, а ограниченность личной жизни становится ведущим мотивом в отношениях и девушке. Е. Шереметьева идёт к тому, против чего сама же борется, — к аскетизму. Но это в интересах общественного, не в интересах будущего, и, конечно, прочно связанный с жизнью нашей страны, никогда не станет аскетом. Таким образом, схематическое раскрытие связей лично с общественным на деле ставит писательницу на грани разрыва.

Кстати сказать, Е. Шереметьева не дала молодому герою ясного, индивидуального портрета. Мы узнаём что Кеана, героиня повести, а что у неё «светлокарее», «сияющие», «серебряноотенные» глаза. Не более полно и портрет её мужа. Они наделены донельзя общим призраком, и поэтому, прочно связанный с жизнью нашей страны, никогда не станет аскетом. Таким образом, схематическое раскрытие связей лично с общественным на деле ставит писательницу на грани разрыва.

Кстати сказать, Е. Шереметьева не дала молодому герою ясного, индивидуального портрета. Мы узнаём что Кеана, героиня повести, а что у неё «светлокарее», «сияющие», «серебряноотенные» глаза. Не более полно и портрет её мужа. Они наделены донельзя общим призраком, и поэтому, прочно связанный с жизнью нашей страны, никогда не станет аскетом. Таким образом, схематическое раскрытие связей лично с общественным на деле ставит писательницу на грани разрыва.

Кстати сказать, Е. Шереметьева не дала молодому герою ясного, индивидуального портрета. Мы узнаём что Кеана, героиня повести, а что у неё «светлокарее», «сияющие», «серебряноотенные» глаза. Не более полно и портрет её мужа. Они наделены донельзя общим призраком, и поэтому, прочно связанный с жизнью нашей страны, никогда не станет аскетом. Таким образом, схематическое раскрытие связей лично с общественным на деле ставит писательницу на грани разрыва.

Повесть «На далёкой реке» завершается лирической сценой. После долгой разлуки Борис и Кеана, встретившись в далёком таёжном селе, воссоздают родимой. Их чувство окрепло. Кремет и мастерство писательницы, лиризм труда начинают дополняться лиризмом любви. Заключительный эпизод повести позволяет думать: а будущим Е. Шереметьева сумеет рассказать не только о труде, но и о любви, полной «необыкновенной радости, горячей, порывающей лирикой, как солнечная, дымящаяся струей трамвая, выходящая украинская степь». Две темы — любовь и труд — тогда сплетутся прочнее, крепче.

ЗВЕЗДА

3
1952

В романе И. Эренбурга «Левый вал» есть такой эпизод: Минув, в прошлом войн, в настоящем дипломат, человек большого мужества и стойкости, пишет жене из далёкого Китая: «Милая моя Оленька, ну почему я кричу, не поэт? Я нынчал бы тебе книгу, одно стихотворение и другое другое, конечно, не написаны бы, сказали бы... — почему о любви, тема не ведущая. А любовь к тебе меня ведёт, помогает жить, работать».

Слова эти не без юмора высказывают конфликт, порою возникающий между читателем, горячо убеждённым в могуществе любви, и писателем, недоеврово относящимся к его духовным запросам.

Труд и любви — двум ведущим темам нынешнего дня — посвящена новая повесть Е. Шереметьевой «На далёкой реке». Главными героями её повести, молодой коммунист Борис Новак и колхозница Кеана Бартошенко, детской друг, сначала невеста, а потом жена Бориса. Действие начинается в Украине, на Днепре. Едва едва расцветавшее чудо производит первую проверку трудом. Конеч повести застает героев на берегу суровой сибирской реки, что протекает возле строящегося в таёге города Башмы. Чувство героев окрепло и возмужало, оно помогло труду.

О том, как это происходило, и рассказывает повесть. Действительность — одна из особенностей советской патристичности. Патриот нашей страны немалым в преодолении трудностей, и правда искусства не исключая, а предполагает разговор о них. Без трудовой любви и труда. И писательница права, говоря о множестве препятствий, встающих перед её героями. Кеана приехала в Башму к жениху, ни минуты не колебалась, просто и скромно откашлявшись от аспиринов в институте, зная, что её ждут и необычно суровый климат, и большая разлука с любимым, и бытовое неустройство, и недоеврове жителей города к молодому детскому врачу.

Драматизм в лучших местах повести соединяется с лирической теплотой, задумчивостью. Е. Шереметьева черпает лиризм из источника, обшего для всей нашей литературы: любви человека к труду. Но любовь эта своеобразна. Любить труд означает для

1 Журнал «Звезда» № 3, 1952 год.

Американская "КУЛЬТУРА"

Образец современной американской «живописи». Так «художники» США изображают людей.

текстуре является, например, церковь в Бело-Оризонте, построенная в виде авиационного ангара с колокольней в форме решетчатой конструкции, расширяющейся кверху.

Эта магия американского «художника» должна изображать... женщину, расчесывающую волосы.

Такова американская архитектура, в которой, как в зеркале, отражается моральное разложение, пниение и марasmus буржуазного общества. Эта «культура» способствует разложению и обанкротению молодежи, привитию ей фашистского мировоззрения.

Ю. КАЛУГИН

«Неизвестный, просмотрев в киностудии «Идеал» американский гангстерский фильм «Привидение, которое не спит», по выходе из здания надорвался на проходах в ложи».

Это короткое сообщение, опубликованное недавно в зарубежной печати, наилучшим образом характеризует «воспитательные» действия голливудских кинокартин.

Нашение американские кинофильмы оказывают длетворное влияние на молодежь. Они воспевают бандитизм и агуляризм злобные похождения. В них приговаривают «превосходство индейца над всеми остальными людьми мого шара, а также подробно изображаются массовые убийства и страдания мирного населения других стран. В документальных фильмах индиано похвастается о Диктор с экрана истончим голосом вопит: «Житте! Убийайте! Убийайте столько, сколько вы можете убить!»

«Американский народ в огромной своей части все еще относится к убийствам слишком чувствительно, — заявил недавно один из видных генералов США на совещании голливудских кинокрейсеров. — Кинокартины должны изменить это положение». В качестве опыта художественной картины, призванной воспитать у американцев равнодушие к насильственной смерти, поставлен фильм «Камю прядения», где в сценах массовых убийств льется поток крови, на креслах корчатся кричащие мужчины и женщины, которых пожирает пламя, на арене мечутся тлы с человеческими ногами и руками в зубах...»

В армейском наставлении, вручаемом каждому американскому новобранцу, первым делом бросается в глаза предупреждение: «Тебя будут учить тому, чтобы ты стал беспощадным, квалифицированным убийцей». В детективных повествованиях «сломис» — индеек с сериями картинок с надписями — также превозносятся культ убийства. В книгах популярного в США писателя Микса Спил-

лейна только и говорится об убийствах. На обложках портрет автора с револьвером в руке. Через героя одного из своих романов Спиллейн призывает к зверской расправе с прогрессивными деятелями: «Убийайте их сразу и наповло! Покажите им, что у нас нет милосердия! Убийайте! Убийайте! Убийайте! Убийайте!»

Подсчитано, что в Америке через телевидение ежедневно демонстрируется около полтора тысяча убийств. Такой же характер носят и радиопередачи. Немудрено подете через десять лет? 60 процентов опрошенных в одном американоком городе школьников ответили: «Мертвецом!»

Подобно кино и радио, театр в Америке также «воспитывает» американцев в духе бандитизма. Например, все театры на Бродвее де-

Это странное сооружение—церковь, построенная по проекту американского архитектора.

монстрируют пьесы, представляющие собой перемены голливудских детективных фильмов: с убийствами, налетами гангстеров, перестрелками, непристойной руганью. На сценах театров ставится много подлых и банальных пьес, вроде «Доктор Лоумен предостерегает блондинок» или «Кровать с бандитами», где все три действия пьесы происходят в спальне.

А что такое американская музыка? Встреча в эфире какафония

американского джаза, советский радиослушатель сразу же настраивает приемник на другую волну.

Характерно отношение американских фанистов к советской музыке. В городе Сорт-Лейк-Сити дирижер симфонического оркестра был арестован по телефону, что он будет убит или искалечен, если на концерте исполнит 5-ю симфонию Сергея Прокофьева...

Американская живопись развивается по тому же руслу, что и вся американская «культура». Я видел в Нью-Йорке фрески с изображениями размещенных в хаотическом беспорядке лошадиных круп, грив, стрел и получеловеческих существ с рогами и змостями. Мазня американских «художников» противостоит здоровому реализму. Недавно газета «Нью-Йорк пост» сообщила о коллекции современной живописи, собранной профессором-психиатром Эдгаром Фолтинем из Питтсбурга. «Хотя все художники, представленные в коллекции Фолтина, — душевнобольные, находящиеся на лечении в различных сумасшедших домах, — говорилось в газете, — даже сам профессор с трудом проводит различие между картинками умалишенных и полотноми «нормальных» художников. Произведения душевнобольных могут вполне сравниться с произведениями искусства, полученными высочайшими призваниями».

Уплодный характер носит и американская скульптура. Все эти фигуры людей с гипертрофированными конечностями, без голов или с несколькими руками, в диких позах в не меньшей степени, чем живопись, похожи на бред сумасшедшего. Такой же нездоровый, извращенный отпечаток наложил и на архитектуру современной Америки. Мне пришлось видеть много любопытных зданий в США, а также по страницам Литинской Америки, где нини усиленно пропагандируют свою «культуру». Изысканность современных американских архитекторов дошла до того, что даже церкви сооружаются в стиле постструктурализма. Прямым подражанием американской архи-

Убийства, грабежи и насилие — основная тема современного «искусства» Америки.

Пуэрто-Рико — американская колония. В этих людных ютятся рабочие плантаций со своими семьями.

Нещастная мать-пуэрториканка, у её детей нет детства.

ПУЭРТО-РИКО

По узким и кривым улицам города Сан-Хуан мчатся американские машины. На полном ходу они вылетают из-за поворотов и углов, неожиданно сворачивают в переулки, нарушая все правила движения. Не беда, если под их колеса попадет ребёнок, женщина или старик. Янки не считают пуэрториканцев людьми, достойными хотя бы малейшего уважения. Они, американцы, здесь, в Пуэрто-Рико, господа, все остальные рабы, с которыми можно и не считаться.

Пятьдесят три года американские империалисты эксплуатируют, унижают и оскорбляют население этого маленького острова, расположенного в Карибском море. Мулаты, негры, индейцы, белые, преимущественно потомки бывших испанских переселенцев, — все они угнетаются так, как будто живут во времена средневековья.

На острове проживает около двух миллионов человек, и большинство из них молодёжь до 25 лет. Мужчины и женщины старше 30 лет там уже выглядят стариками: изнурительный труд, нищета и голод резко сокращают срок жизни трудящихся острова.

Между тем Пуэрто-Рико — богатый и плодородный остров. Там имеются большие залежи золота, серебра, меди, марганца, железа, олова, ртути, платины, никеля и других полезных ископаемых. Но более 80 процентов всей обрабатываемой земли острова принадлежит американским предпринимателям.

Хищнический американский империализм обрекает народ Пуэрто-Рико на нищету и вымирание. Любая ценой получить как можно больше прибыли — таков зловещий закон рабовладельцев.

Формально за гражданами острова признаются политические права. Там даже создан двухпалатный представительный орган.

Всем гражданам, достигшим 21 года и живущим не менее одного года на острове, предоставляется избирательное право. Но всё это фикция, обмен. Местное население острова лишено политических прав. Для видимости существуют сенат и палата представителей. Фактически же вся власть в Пуэрто-Рико находится в руках губернатора, который назначается президентом США.

Почти вся основная неграмотность населения острова помогает колонизаторам обманывать и угнетать народ. Ни школ, ни культурно-просветительных учреждений на острове нет. Более 400 тысяч детей школьного возраста не учатся.

На острове более 300 тысяч безработных. Их участь настолько тя-

жела, что многие из них кончают жизнь самоубийством. Но немногим лучше положение и тех, кому «хочется» работать на плантациях у американских помещиков. Мизерный заработок не удовлетворяет и минимальных нужд человека. Многие дети, а часто и подростки в 15—16 лет значительную часть года ходят совершенно голые.

Зато сытно, весело и уютно живут в Пуэрто-Рико американские господа. Стоит им переехать с одной плантации на другую, как тут же за ними следом рабы-пуэрториканцы везут их раскладные комфортабельные домики с богатой обстановкой. В каждом селении янки берут за ничтожную плату и просто так, даром, всё лучшее из

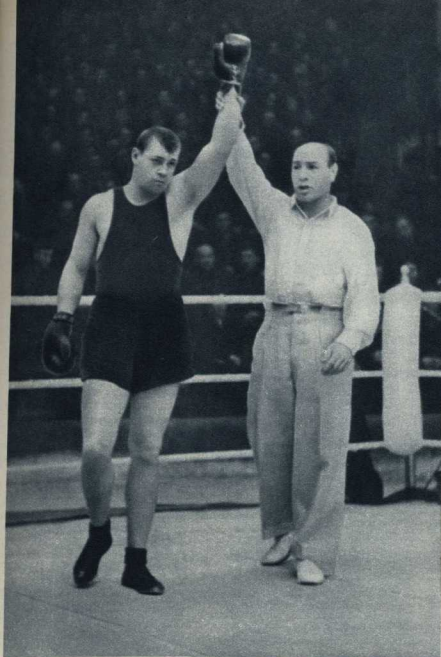
продуктов и развлекаются в праздном безделье.

Читатель видит на фотографии, как довольны и радостны лица господ американцев. Сытны и обеды они заправляют приятным вином и соком ананаса. Им, воспитанная американской «культурой», нет дела до голодных детей и измощённой трудом женщины, которые изображены на другом снимке.

Однако угнетённые и обезнадёженные люди с острова Пуэрто-Рико не хотят мириться с господством американцев. Всё чаще и чаще пуэрториканцы поднимают голос протеста, требуют независимости и свободы. Они уверены, что придёт конец бесновитству и произволу, который американские империалисты творят в своих колониях.

Хорошо живётся в Пуэрто-Рико только американцам — чиновникам и представителям трестов.

СТУДЕНТЫ- ЧЕМПИОНЫ

Огромной популярностью пользуется спорт среди учащихся высших учебных заведений нашей страны.

В списках чемпионов и рекордсменов немало имен студентов. На снимках:

1. Чемпион страны 1952 года по боксу в полутяжелом весе студент Московского института физкультуры имени Сталина Анатолий Перов.

2. Абсолютный чемпион СССР 1952 года по гимнастике студент Юридического института Грант Шагнини.

3. Чемпион СССР 1951 года по прыжкам в высоту студент Одесского медицинского института Евгений Вансович.

Туристы в походе.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, ДРУЗЬЯ!

В этот день студентка Полиграфического института Ксения Чавская, придя в бассейн, обратила внимание на девушку, отработавшую стартовый прыжок. Стройная, ловкая, уже загорелая, несмотря на начало мая, девушка понравилась Ксении. В душевой они разговорились и к метро пошли вместе.

Женя Мамкина, так звали новую знакомую Ксении, работала техником в научно-исследовательском институте. В прошлом году она начала заниматься туризмом, увлеклась и вот теперь, готовясь к путешествию на байдарке, решила хорошо научиться плавать. Загорела она под Москвой, на туристских прогулках.

— Ну, мне сейчас переживать-ся к Аэропорту,— сказала Женя.— Если хотите, пойдёте с нами в субботу в 20-километровый поход, с ночёвкой, а? — И девушка назвала час и место сбора.

Ксении очень хотелось поехать, и в то же время она боялась, что у неё не хватит сил пройти такое расстояние. Но всё же под выхо-

дой день, вернувшись домой из института, Ксения надела тапочки, положила в пакет бутерброды и, перекинув через руку жакет, отправилась на вокзал.

Неуверенно подходила она к пригородным кассам, растерянно поглядывая по сторонам. Наконец она увидела группу оживлённо разговаривавших юношей и девушек. Не успела она сообразить, что это и есть её спутники, как услышала свой имя и увидела улыбающуюся Женю.

Ксения подошла к ним, поздоровалась. Посматривая на туристов, она недоумевала: чем же у них так набиты рюкзаки, почему у всех на ногах неуклюжие и тяжёлые ботинки? Ведь в тапочках легче идти!

...Через час с четвертью туристы вышли на маленькой станции, и, миновав посёлок, пошли по лесу. Лёгкий ветерок налетал волнами, приносил запах земли, зелени, первых цветов и какую-то воздушную свежесть, от чего становилось необычно легко, хотелось пить, бежать.

Пройдя поле, вошли в лесок, затем свернули с тропинки и через полчаса вышли на берег небольшой речушки.

Вокруг стояли мохнатые ели, освещённые красноватыми лучами заходящего солнца. За речушкой, по краю поля, росли берёзки. Их листья были так молоды и нежна, что казалась желтовато-зелёным облачком, запутавшимся в тонких ветках.

— Смотрите, как хорошо здесь! — сказал руководитель похода Александр Михайлович Холмооров. — Давайте тут и устроим ночёвку!

Сняв рюкзаки, туристы принялись за устройство bivouак. Одни выравнивали и расчищали площадку, другие доставали палатки, одеяла, топоры, третьи отправились в лес за валежником.

Не прошло и получаса, как на опушке стояли пять палаток, весело потрескивал костёр, над которым рядком висели котелки. Между костром и палатками две девушки, расстелив на земле белую клеёнку, накрывали общий «стол». Когда ужин был готов, обнаружилось, что у Ксении нет ни миски, ни ложки. Но находчивые туристы быстро исправили этот промах: миской стала крышка котелка, а ложку заменила лопаточка, ловко выструганная из берёзового ветки.

Вспомнив свой первый туристский ужин, Ксения утверждала, что она никогда раньше не ела такой вкусной каши.

После ужина все поселись поближе к костру, и началось воспоминание бывалых туристов. Строили планы предстоящих путешествий, пели песни. Ксении казалось, что она попала в какой-то новый, необычайно интересный мир. Здесь, в подмосковном лесу, во всей красе перед ней предстала Родина.

Утром Ксения разбудила громкий возглас: «Пойдём!»

Хорошо летом на воде! Группа туристов отправляется в путешествие по реке Пре.

Не открывая глаз, девушка потянулась и подумала: «Эх, ещё бы поспать!»

— Подъём! Выходи на зарядку! — снова раздался голос. Открыла глаза и увидела, что полдур уже нет, Ксения торопливо распахнула палатку.

После завтрака туристы легко вскочили на плечи рюкзаков. Свертываясь, и жидет Ксения помещается за спиной шумливого курчавого парняка, который наставлял восторженно сказал:

— Руки в походе должны быть свободными!

Группа бодро двинулась вперёд.

С пригорка открылся простор сплавных и зеленеющих полей, бархатистый луг, по которому летала речка, виднелись деревни, окруженные садами. Ажурные матчи высоковольтной линии пересекали небо и скрывались в лесу; а над лесом, появлялись и там, бежали клубы паровозного дыма.

Весёлая трель жаворонка лилась из безоблачного поднебесья...

Весь день Кесню не покидало приподнятое, радостное настроение. Временами ей хотелось показать, что она совсем не устала: идти вперёд, шутить, смеяться.

И только к вечеру Кесню почувствовала утомление. Болею обожжённые солнцем лицо и шея, горели ступни ног. Вот когда Кесню позвала, почему на ногах у туриста были тяжёлые, грубые ботинки...

На следующее утро, подходя к институту, Кесню лицом к лицу столкнулась с одноклассницей Ритой Кондратьев.

— Ой, где ты так загорела? — первым делом спросила та.

И Кесня стала рассказывать, как она интересно и весело провела выходной день. В аудитории их обступили товарищи, заставили Кесню повторить рассказ.

— А нам можно пойти с вами? — заволашевали вокруг.

— Конечно! — ответила Кесня и с видом бывалого туриста стала объяснять, как нужно подготавливаться к походу, что брать с собой, куда идти обуш.

Приходилось много заниматься: заканчивали третью курс. Но Кесня и её товарищи выкраивали время и почти каждый выходной день отправлялись в туристские походы. И всякий раз удивлялись, что, двадцать лет прожив в Москве, они и не подозревали, какие живописные места окружают родной город.

Прогулки не мешали учёбе; наоборот, после хорошего отдыха настроение было бодрое, хотелось учиться, работать, творить!

...Шумят весенние ветры, по голубому небу плывут курдючные облака. Скоро окончатся экзамены, и Кесня Чаевская, Рита Кондратьева, Лера Цветкова и многие другие, закинув за спину рюкзаки, отправятся в новые интересные походы.

В добрый путь, друзья!

Текст и фото
П. ШВЕДОВА

Le sport français en deuil, après W M E Raymond S M E R

СМЕРТЬ ЗА ДОЛЛАРЫ

В своё время известный немецкий автогонщик Ганс Штунг выпустил книгу воспоминаний «Слезы и захватывающий мир». Там, между прочим, приводится телефонный разговор с редактором швейцарской газеты «Спорт-информация», у которой он спрашивал о результатах розыгрыша Большого приза Италии. Вот этот разговор.

— Каппари победил? — Нет, Каппари убит.
— Бордонион победил? — Нет, Бордонион тоже убит.
— Что же случилось? — Чаяковский сторел...

Я бросил телефонную трубку, чтобы больше ничего не слышать... — заканчивает Штунг свой рассказ.

В любом буржуазном спортивном журнале можно найти описание трагических происшествий, имевших место во время розыгрыша очередного кубка, приза, награды по автогонкам.

Возьмём наудач. Вот французская газета «Экспр» конца 1950 года. Заметка «Мартиролог автомобильного»... В ней рассказывается, что в июне 1948 года, тренируясь в Берне и разыгрывая Большого европейского приза, погиб чемпион Италии Ахили Варзи, а через три дня, участвуя в самом розыгрыше, погиб швейцарец Кристиан Куч. 28 января 1949 года во время гонок в Южной Америке заволашевал свой знаменитый путь Жан-Пьер Вимиль, и наконец совсем недавно погиб Раймонд Коммер.

Смерть Коммера — одного из известнейших гонщиков, трёхкратного чемпиона Франции, победителя десятков крупнейших международных соревнований — особенно занимала газету. Печатались напечатанные портреты, было много портретов и рисунков. Но, пожалуй, самым символическим был оружейный траурной рамкой снимок в журнале «Миратор Спринт»:

иснаряжённая машина, наданная толпа любопытных, а рядом в чёрном овале усталое лицо с беснечной тоской в глазах...

Сенсация, сенсация во что бы то ни стало! Поблизости страшных снимков! Это должно привлекать, это должно давать доход и, наконец, это должно восполнить кровожадность, привычку к насилию, крови, смерти...

И что за беда, если погиб гонщик! Найдётся ещё десятки безработных, поблизости сантехников, шофёров, механиков, которые следуют за руль в надежде заработать на кусок хлеба. И стоит ли думать о том, каким образом сократится число несчастных случаев? Ведь это требует определённых затрат!

Вот типичное описание соревнований «24-часовые гонки в Мансе», обычно иллюстрированное фотографиями.

Снимок первый: гонщики бегом направляются к машинам, чтобы взять старт. После короткого описания начала гонки корреспондент в слегка лирическом тоне повествует: «На первом круге несчастный Ларивьер слишком быстро вылетает поворотом, катится вперёд и летит в овраг. Голова, срезанная конюшей проволочной, отлетает на сотни метров. На питательном пункте жена напрасно ищет гонщика...»

А рядом обычный снимок: перевернутая машина, полиция, группа любопытных и репортёров. И снова идёт эпическое описание гонки: «Вскоре вымывает Шабу, потом Мансон и Тринтинья». Затем наступает очередь Фаннион и Роже, потом двести американцев на машинах Беннгейва и... в, и наконец итог: «Их 60 участников... 30 пришло и финишу». Тут же несомненно странный вывод: «24-часовые гонки в Мансе 1951 года не обходятся без трагедии. Они заслуживают того, чтобы были записанными золотыми буквами в летописях международных соревнований».

Чых онданий не обманули гонщик! За что и следует записывать золотыми буквами! За ответом далеко ходить не надо. На той же странице ироничная реклама американской фирмы «Денло» выпускающей автомобильные шины. Вот что выиграл гонку, вот что имеет право говорить о заре в рекламе там и написано: «Денло» выиграла «24-часовые гонки в Мансе».

Неважно, кто участвовал: французам, англичане или американцы. Неважно, сколько вышло до финиша: 10, 20 или 30 человек. Даже неважно, кто победитель. Во всех случаях, при всех обстоятельствах выиграла хозяева фирмы «Денло», изготовляющей «самые лучшие, самые прочные, самые изумительные шины в мире!»

Примерный камп пример не единичен.

Возьмём гонки в Монте-Карло, на которых гонщик этих стран, деловое присутствие спортивный журнал помещает свой отчёт под весьма откровенным заголовком «Генотомбы на розыгрыше Большого приза Монюан». «21 машина», — пишет журнал, — представляющая 9 стран, азила старту этой удивительной гонки. Вскоре после старта столкновение на выезде Ла Коуданн выводит из строя 11 машин, из которых одна загорается...»

Под отчётом опять огромный рекламный: «Шины «Денло» победят!»

Здесь же, в Монюан, происходит и знаменитое «Ралли де Монте-Карло» — заезды в гонки с финишем в Монте-Карло. В 1950 году в них приняли участие 300 человек. В отчёте сказано: «Уже в середине пути» сотни машин «попались в оврагах», «Многие из конкурентов наехали на «декорации», были выбиты с дороги или врезались в своих соперников». О том, как протекали гонки далее, красноречиво говорят цифры: из 300 претендентов закончили дистанцию... 5.

И снова журналы помещают бесконечные снимки финиша: где, разумеется, рядом со спортивными спортивными флагами, надписями и значками всё покрывающиеся, но лоскавшиеся, ироничные, остервенённые рекламные вывески. И кажется, что не ребристая шина смотрит на вас с рекламой, а страшная свёртывающаяся змея, уносящая ежегодно десятки жизней. Слово призран смерти, прострела американская фирма «Денло» свои ирыбли над бесчисленными смертубудышными соревнованиями, и чем больше крови льётся по попрытному беззачинному бетону асфальту, тем больше злости поступает в сейфы владельцев «Денло».

А. КУЛЕШОВ

О ВОСПИТАНИИ

...Воспитание есть определенное, целеустремленное и систематическое воздействие на психологию воспитанного, чтобы привить ему качества, желательные воспитателю.

М. И. Калинин

Необходимым составным элементом коммунистического воспитания является ...развитие любви к родине, к социалистической родине, развитие советского патриотизма.

М. И. Калинин

Воспитание коллективиста должно быть соединено с воспитанием самостоятельного развития, развитием дисциплинированного человека, способного глубоко чувствовать, ясно мыслить, организованно действовать.

Н. К. Крупская

...Воспитание — великое дело; им решается участь человека.

В. Г. Белинский

...Целью воспитания является развитие наших духовных способностей...

Н. Г. Чернышевский

...Разумное воспитание требует, чтобы уже в самом раннем возрасте, еще прежде, чем дети станут хорошо сознавать себя, — внушился им стремление ко всему добру, истинному, прекрасному и благородному.

Н. А. Добролюбов

Почти все признают, что воспитание требует терпения; некоторые думают, что для него нужны врожденная способность и умение, т. е. талант; но весьма немногие пришли к убеждению, что, кроме терпения, врожденной способности и таланта, необходимым еще и специальные знания...

К. Д. Ушинский

...Уметь воспитывать... — это великое государственное дело, требующее таланта и широкого знания жизни.

А. М. Горький

Мы не можем просто воспитывать человека, мы не имеем права воспроизводить работу воспитания, не ставя перед собой определенную политическую цель. Работа воспитания, не вооруженная ясной, развернутой, детально известной целью, будет работой аполитического воспитания.

А. С. Макаренко

Коллектив является воспитателем личности.

А. С. Макаренко

Счастье... — в создании новой жизни, в борьбе за обновление и перевоспитание человека, ставшего хозяином страны, нового человека, большого и умного, человека эпохи социализма.

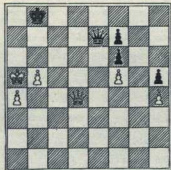
Н. А. Островский

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера Л. Абрамова

Когда начинающих шахматистов учат давать мат одному королю королю противника, то их всегда предупреждают: «Осторожно, не сдайте пат». Ведь пат — ничья». И всё же новички обязательно попадают через серию сдачных или патов.

Однако не только новички, но и мастера нередко забывают об этой опасности. Сам М. И. Чигорин оказался ввержен пату Турине в Осенде в 1905 году. Он в превосходном стиле разгромил одного из зарубежных конкурентов. После 44-го хода белых состоялся следующий позиция.

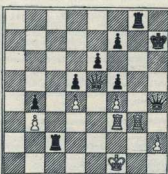
Ясно, что положение черных здесь совершенно безнадежно. Однако последовало:

44... f4-f5 + f6-f7 +
45... f4-f4 + f5-f6 +

и ничья, так как 46. f7-c7 приводит к пату, а на 46. Крб8-a8 следует 46... f6-f7 +.

В заключительном издании XIX первенства СССР в партии Тайманов-Геллер белые не использовали возможности добиться ничьей путем осуществления патовой идеи.

После 41-го хода белых партия пришла к следующему положению:

41... Лс2: b2?

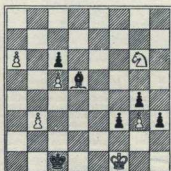
Эта ошибка открывает перед белыми возможность ничьей посредством пат.

42. f6-e5?

Ответная ошибка. Следовало играть: 42. Л: e8 Кр: e8 43. Лf3+ f7-f3 (иначе черные проигрывают) 44. Фb3+ Крb7 45. Фb3-c4, вынуждая пат. Теперь же положение белых безнадежно. Последовало 42... Лd8 43. Лg7+ Крb6, и Тайманов сдался.

Черные могли выиграть путем 41... Лd4 42. Лb3 Лc1+ 43. Крe2 Лc2+ и 44... Лc3+. Если же, например, 42. Фe3, то 42... Л: h2! 43. Лb3 Лb1+ 44. Крe2 Лc2+ 45. Крb3 Лd1+, и белые также получают мат.

Наши композиторы ярко представляют эту тему в своих этюдах. В нижеизложенном этюде А. Троицкого мысль о пате кажется даже нелепой, а все же белые начинают и делают ничью.

Положение белых представляется весьма сложным. Угроза слонному слою. Например: 1. a7-b2 2. a8b1-b6 + 3. Крf2 Фe2+ 4. Крe3 Фd3. Вспомогательные 1. Крf1 b2+ 2. Кр: b2 f2 и 1. проведя ферзя, черные нападают.

Если бы такое положение создалось в турнирной партии, то белым, вероятно, всего, следовало бы. Тем не менее...

1. Кг6-e5! h3-h2
2. Кe5-d3 + Кrc1-d2
3. Кd3-f2 Сd5-b3

Теперь белые перед угрозой поражения, но следуют:

4. Нf2-h1! Сb3-c4 +
5. Крf1-f2 Сd4-a6

Пат!

Этот замечательный этюд, как и многие другие «патовые» этюды, напоминает о том, насколько внимательным надо быть, как бы ни казалась позиция выигранной.

Заслуженный мастер спорта П. РОМАНОВСКИЙ

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24.

Тел. 120 000.

Тел. Д-334-24.

Инд. № 400.

А 031014.

Подписано и печатно 13/У 1952 г.

Формат бумаги 70x108/16, 1,37 бум. л. — 4,80 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СМЕНА
В намере:

Академик В. А. Обручев — Письмо к молодежи.
Николай Старшинов — Сегодня утром.
Р. Недосекин — Перелазушка.
М. Сатин — Письмо с Куйбышевского острова.
В. Кулаков — Гни на полях.
Лариса Федорова — Студент Иван Фельцо.
Юрий Ковальдин — Обыкновенное письмо.
А. Тёмкин — Шангалта.
А. Палладин — Скульптор А. Ирина Парачикова.
Владимир Торопыгин — День открытых дверей.
Марио Маркарин — Наша любовь.
Ваагн Давтян — Ковёр.
Рачия Ованесиан — Ласточка.
Красный галстук.
И. Мациенко — Заветный угол сельским клубом.
Б. Н. Толмазов — Учёба и сны.
В. Турбин — Труд и любовь.
Ю. Калугин — Американская скульптура.
Паварте-Рино.
П. Шведов — В добрый путь, друзья!
А. Кузешов — Смерть за доллары.

На первой странице обложки: Портрет в газете. Рисунок Л. Шинковского.
На четвёртой странице обложки: На реке Поля. Фотограф В. Игнатовича.

Оформление номера В. Урина

Редакция: В. Азиев, Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жуков, О. Кожухова, М. Луконин, А. Никунов.

Занял № 1046.

«Цель» войны.

Рисунок В. Резанова

